

Сергей Казакевич

Барон ВВВ

Международного фестиваля фантастики АЗЛИТА

Сергей Александрович Казакевич
Барон ВВВ. Небылицы,
поведанные одним
достойным человеком

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9360451
ISBN 9785447406615*

Аннотация

Приехавшего в отпуск героя давно зовут бароном, ведь он, кажется, привирает. И вот новая встреча. Одного вечера на этот раз не хватает. Друзья, как заведённые, после трудовых будней целую неделю, позабыв про семьи и свои обязанности, несутся к барону. У них много придинок к другу. Был в Волшебной стране? Говорил с Золушкой? Покорил Марс? Ну-ну... Не верите? Старая добрая советская фантастика в новых реалиях – так можно кратко охарактеризовать книгу «Барон ВВВ» – убедит вас в правдивости героя.

Содержание

Интервью с лауреатом фестиваля «Аэлита» Сергеем Казакевичем	5
Глава 1. Отпуск	14
Глава 2. В ожидании встречи	34
Глава 3. Влипли!	48
Глава 4. Первое вторжение	60
Глава 5. Сбой	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

**Барон ВВВ
Небылицы,
поведанные одним
достойным человеком**

**Сергей Александрович
Казакевич**

Дизайнер обложки Сергей Александрович Казакевич

© Сергей Александрович Казакевич, 2018

© Сергей Александрович Казакевич, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-0661-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интервью с лауреатом фестиваля «Аэлита» Сергеем Казакевичем

Posted on Май 31, 2016 by Ridero

«Аэлита» – старейший советский и российский литературный фестиваль в области фантастики. Одна из премий фестиваля – «Гиперболоид» – вручается авторам за оригинальные и новаторские идеи в различных сферах человеческой деятельности. В этом году ее получил автор Ridero из Великого Новгорода, инженер-электронщик Сергей Казакевич. Мы очень рады и поздравляем Сергея! По нашей традиции мы попросили его рассказать о том, как это было. Получилось очень искреннее интервью:

Р.: Участвовали ли Вы раньше в литературных конкурсах?

С.К.: В начале 80-х я посылал фантастический рассказ на конкурс в журнал «Вокруг света». Помню, пришёл ответ, что-то вроде: «Мы так и не поняли, чем там закончилось-то?» Иногда этот рассказ попадает на глаза, перечитываю и недоумеваю. Что там непонятного? Мне он до сих пор нравится. Со сказкой «Рыжий фантазёр с зелёными глазами» участвовал в конкурсе новогодних рассказов, органи-

зованном изданием «Соседи – Великий Новгород», поделил первое место. Жёлтый стул-кресло до сих пор напоминает о призовых.

Правда, больше горжусь другим успехом. В десятом классе всем дали задание написать сочинение про Марс. Наш классный руководитель выбрал двух победителей. Сначала девочка-одноклассница зачитала завораживающее эссе о цветущих на красной планете яблонях. Затем я предложил «аудитории» приключения одноклассника. Все оживились и к финалу ухохатывались, наш физик покраснелся и довольно поправлял усы. Жаль, произведение не сохранилось, но одну фразу я запомнил благодаря бурной реакции слушателей. «И Андрюха сделал то, что сделал бы каждый. Да, он сделал ноги». Вот это был успех!

Р.: Как Вы решили принять участие в «Аэлите»?

С.К.: После публикации (благодаря Ridero) фантастического романа «Барон ВВВ» и получения кода ISBN я стал ещё активнее, чем до того, искать возможность участвовать в серьёзных, давно зарекомендовавших себя литературных конкурсах и премиях. «А, чего там? Большая книга!» Ну, уж... Надо уметь вовремя остановиться. Первый мой роман. Никаких шансов.

После долгих поисков я определился. Главная премия – это же для маститых, исписавших горы страниц и оставивших свои следы на всех фантастических «стрелках» писателей. А вот к этой номинации надо присмотреться. «Ги-

перболоид»? Похоже, тут у меня есть козыри! И я отправил заявку на участие в конкурсе старейшего в стране Международного фестиваля фантастики «Аэлита», проходящего ежегодно, начиная с 1981 года, в Екатеринбурге (ранее – Свердловске).

Р.: Расскажите про изобретение из Вашей книги, за которое Вам дали премию?

С.К.: Представьте – допустим, существует некое явление в пространстве и времени, о котором люди ничего не знают. Человек так устроен, что стремится к пополнению своих знаний об устройстве мира. Он, в конце концов, делает открытие, и становится понятно, что в любую точку Вселенной можно попасть мгновенно. Как это? А скорость света? А Эйнштейн? Это новое явление называется «сценарной плоскостью». Она пронзает насквозь пространство, ею можно вертеть посредством программирования, а также писать для неё сценарии. Скажем, космический корабль, перемещающийся в пространстве и находящийся одновременно в сценарной плоскости, может мгновенно преодолеть любое расстояние – хоть до Марса, хоть до Проксимы Центавра. Если в сценарии для времени перемещения указан ноль, то перемещение будет мгновенным.

Для работ в условиях, непригодных для людей, в сценарии тщательно выписываются персонажи, которым не страшен ни космический холод, ни жёсткие излучения. Персонажи могут общаться с людьми, выполнять их задания, но вне сце-

нарной плоскости они не существуют. Конечно, сценарная плоскость даёт массу новых возможностей для человечества, однако невозможно в рамках интервью изложить идею детально.

Приведу лишь пример для более полной картины. Главный герой встречается на Марсе с инопланетянином, чья цивилизация при перерождении их вселенной (новый Большой взрыв) благодаря сценарной плоскости вместе со своей планетой мгновенно переместилась в другую вселенную, нашла подходящую звезду с удалёнными холодными планетами, встроеилась в эту систему и уцелела. Тот же пришелец объясняет, почему человечеству даже с помощью сценарной плоскости вряд ли удастся покинуть Солнечную систему. У землян большие проблемы со зрелостью цивилизации: разумное должно быть первичным, желаемое – вторичным. Несоблюдение этого принципа приводит к войнам и трагедиям. А сценарная плоскость живая, она чутко реагирует на болезни развития человечества и меняет свою геометрию, закрывая путь к звёздам.

Поэтому герой вместе с кораблём едва не разбивается при посадке на Марс, — двигатели не предусмотрены, расчёт только на грамотно написанный сценарий. Но в это время на Земле начинается новый кровавый конфликт, и сценарная плоскость выгибается. «Покажи мне свою плоскость, и я скажу, кто ты!» – говорит напоследок инопланетчик главному герою.

Это не сюжет, а всего лишь кратко описанная идея, получившая премию в номинации «Гиперболоид» на МФФ «Аэлита-2016». Букет впечатлений от приключений героя можно получить, прочитав книгу «Барон ВВВ».

Отмечу, что лауреатами премии «Гиперболоид» стали такие писатели, как Исай Давыдов и Василий Головачёв, а Роман Злотников в этом году уступил мне лишь по голосам членов жюри (три против пяти). Эти имена впечатляют и стимулируют к продолжению истории о похождениях моего героя.

Р.: Считаете ли Вы, что фантастика должна нести провидческую функцию и моделировать будущее?

С.К.: Кто из фантастов сделал предсказание, в каком году описал идею или необычный прибор из будущего, и когда это произошло в действительности – такая статья мне попала на глаза с десятков лет назад. Список впечатлял. Многие предсказания со временем воплощались в жизнь. Делаю вывод, что чаще всего задумываются не бесполезные гаджеты, шокирующие читателя, а устройства, которые могут быть востребованы людьми и освоены в производстве при достижении определённого уровня технологий.

И ещё. Кто, если не фантасты? Они, как правило, неплохо подкованы в техническом плане, имеют высшее образование и, в отличие от учёных, свободный полёт мысли, дающий возможность фантазировать и грамотно выходить «за рамки».

Р.: Несет ли технический прогресс добро или зло?

С.К.: Можно сказать, нам повезло со временем, мы живём в эпоху небывалого расцвета технологий, в первую очередь, электронных, что приводит к упорядочению быта и улучшению условий труда на производстве. И здесь мне интересен сам процесс, что происходит прямо у нас на глазах. Кто бы ещё совсем недавно мог подумать, что дом можно напечатать на принтере, не используя кирпичи, мастерок и доски?

А куда идти, если в издательстве не берут роман, предпочитая знакомые всем фамилии? Теперь-то мы знаем: есть, скажем, Ridero. Для авторов это выход. Не все станут знаменитыми, не все заработают, но попытка дана каждому. Разве это плохо?

Два рынка, бумажный и цифровой, всё ещё тянут одеяло, каждый на себя, а кто-то уже успешно совмещает одно с другим. Процесс идёт, за этим действием интересно наблюдать. Думаю, через несколько лет мы перестанем задаваться этими вопросами, мы привыкнем, что книги бывают разные, и будем пользоваться обычной, бумажной книгой, и будем втыкать в ухо наушник, чтобы в электричке по пути на работу прослушать очередную главу из новой книги модного на данный момент писателя.

Что касается зла. Очень, очень часто ловлю себя на мысли, что не хочу видеть эти пыльные асфальтовые убивающие улицы с потоками железных коробок на колёсах.

...Я сижу в коляске, нас немного трясёт на булыжной

мостовой, кучер натягивает вожжи. Слышны возгласы: «Н-но. Но!.. Лавров прибыл в Женеву! Покупайте! Код доступа к свежему номеру – десять рублей!.. Тпру!» И только цокот, цокот копыт вокруг... Где-то внутри меня живёт ностальгия по сравнительно чистому с точки зрения экологии концу девятнадцатого века.

Р.: Как давно Вы пишете, сколько книг опубликовали и какую фантастику читаете сами?

С.К.: Тут будет трудно поверить, но постарайтесь. Пишу со второго класса, часто подбивал друзей вместе сочинять нечто фантастическое. Начало 80-х – первые рассказы и блокноты со стихами о любви. Сказка «Рыжий фантазёр с зелёными глазами» постоянно переписывалась и улучшалась. На это ушло пятнадцать лет (начинал в 1999-м году). Музыка и песни к ней сочинил в течение первых двух лет. Это было нетрудно, поскольку играю на гитаре и пишу песни давно. Правда, тут пришлось освоить музыкальные компьютерные программы. В принципе, получился детский музыкальный спектакль, который я предлагал столичным и питерским детским театрам, но не сложилось.

Благодаря Ridero опубликовал в 2015 году три книги: научно-фантастический роман «Барон ВВВ», сборник рассказов «По следам барона», сказку «Рыжий фантазёр с зелёными глазами». Котёнка на обложку к сказке рисовал сам. Почти пять лет публикуюсь на сайте Проза.ру под псевдонимом. Из писателей-фантастов наибольшее влияние на моё

творчество оказали Вадим Шефнер, Сергей Снегов, Жюль Верн, Александр Волков. Пожалуй, упомяну ещё Джека Финнея и его книгу «Меж двух времён». Отдельные слова о книге известного советского астрофизика Иосифа Шкловского «Вселенная, жизнь, разум». Это не фантастика, а серьёзный научный труд. Если же пропускать формулы в процессе чтения, то от книги не оторваться, настолько интересно написано о многих явлениях в космосе, о возможности существования других форм жизни.

Два эпиграфа

ВСЕ СОВПАДЕНИЯ ДОСАДНЫ

У ОДНОГО КРОЛИКА БЫЛА СВИНКА

Глава 1. Отпуск

– Здравствуйте, Алексей Васильевич! Можно?

Владимир в нерешительности остановился, открыв дверь президента футбольного клуба.

– А-а! Вовчик... Пардон, Владимир Валентинович! Добрый день, добрый день! Проходите, пожалуйста, садитесь.

Видя этого большого, во всех смыслах этого слова, человека со стороны, Вовчик всегда восхищенно думал: «Вот лось. Мощный мужик! Дай ему коня с плугом – легко вспашет поле. А здесь тоже на месте, такими делами ворочает. Таких бы людей в России побольше».

– Ну, садись, садись...

Алексей Васильевич, обычно суровый и требовательный, сейчас просто сиял. Он нажал кнопку на пульте.

– Вера Ивановна, будьте добры, два кофе.

Он сел в своё президентское кресло во главе длинного стола для совещаний, открыто разглядывая посетителя. Невысок, голова маленькая, худоват, но мышцы под рубашкой угадываются, да и шея крепкая. Под штрихами коротких волос серые востренькие, с лукавинкой, глаза, между усами и аккуратной бородкой с колышком прячется улыбка. Немудрено, что за спиной все называют его Вовчиком.

На столе появился горячий кофе. Алексей Васильевич прошёл через весь кабинет, достал бутылку из какого-то

шкафчика и вернулся обратно. Налив до краёв рюмки, оставил их подальше.

– Удивлён? – спросил. – Пей кофе.

Владимир горячее не пил, но тут сделал вид, что отхлебнул.

– Вот смотри. – Президент подвинул к себе чашку. – Четыре года подряд мы берём Лигу Чемпионов. Ты хочешь водки?

Из всех крепких напитков Алексей Васильевич предпочитал водку. Пил редко, но, если уж приходилось, то кушал именно её.

Посетитель отрицательно замотал головой.

– Правильно. И я не хочу. Четыре – не пять... А?

– Пять – не шесть, – прищурившись, вставил осмелевший Владимир.

– Молодец! Вот через год выиграем в пятый раз – тогда и выпьем... Должен сказать, бюджеты у наших конкурентов в разы выше, чем у нас. С твоим появлением в клубе предварительные работы, связанные с организацией матчей на выезде, проходят без осечек. Работа с информацией и вынюхиванием, ха-ха, – как у лучших разведчиков. Выявлены попытки подкупа судей и наших игроков. Скандал замять не дали. Это твоя работа. Уж не знаю всего до конца, но результат налицо. Процентом пятьдесят – твоя заслуга.

– Ну, что я... – гость растерялся. И неожиданно для себя спросил: – Заплатите? Пятьдесят процентов-то.

Алексей Васильевич добродушно рассмеялся.

– Если заплатим – по миру пойдём. А вот добавить самое время... Тебя Натаныч не обижает?

Улыбка сошла с его лица.

– Главное – не обидеться, – увильнул от ответа Владимир.

– А со своими функциями он справляется? Извини, что задаю такие вопросы, но мне нужен взгляд со всех сторон, и снизу, и сверху. А ты с ним плотно работаешь.

Убеждения посетителя не допускали доносительства, тем более, что свои тёмные делишки непосредственный начальник проворачивал попутно, почти не нанося финансового ущерба клубу. К чему этот бабский трёп? Чтобы чувствовать себя потом мерзко, словно пойманный предатель? Хотя, если честно, Натаныч мог бы и больше внимания уделять служебным делам, не оставляя зачастую его один на один с проблемами.

Он пожал плечами, решив промолчать.

Теперь уже Алексей Васильевич прищурился.

– Давай так. Ты хочешь в отпуск, поэтому и пришёл.

– Сами понимаете, если не в июне, потом не дадите.

– Правильно понимаешь. Ребята будут отдыхать до августа. Но не мы. Нам надо работать. Но! Неделю ты заслужил. Может, ещё недельку отгуляешь в декабре.

– Бархатный сезон?

– Ну, а что делать? По рюмочке?

Вова мотнул головой.

– Нет. Десять лет не пью. Довелось тогда одной волшебной дряни попробовать на свадьбе. Разве откажешь?

– Да, с самопалом лучше не связываться... – Алексей Васильевич поднял глаза и спросил вдруг: – Мама как? Как здоровье?

Посетитель вздохнул.

– Врачей не любит. Ни в какую не ложится на обследование.

– Моя такая же была. За здоровье мамы!

Владимир машинально протянул руку к налитой до краёв рюмке.

– А говоришь, не пьёшь! – воскликнул президент.

– Я и не пью. Но если в первом акте на стене висит ружьё... Вы же не будете сливать всё обратно... Был фрезеровщиком – пил. Но это было... У-у...

– Постой, постой. Ты был фрезеровщиком?

– Фрезеровщиком, токарем. На заводе работал. Пил по чёрному. Там быстро в коллектив вливаешься. Сейчас нет тяги.

– А тянешься.

– Вы же предложили. За маму. Десять лет уже не пью...

– За маму можно.

Алексей Васильевич, только что задиристо пристававший к коллеге, опрокинул в себя содержимое рюмки, Вова последовал его примеру.

– А допьём, Владимир Валентинович, когда выиграем

в пятый раз подряд. Передавайте маме привет. И лечите её!

Вовчик сидел в кабине фуры рядом с Владом, другом детства. С первого класса вместе! Накануне, после разговора с президентом клуба, он позвонил другу. Влад часто ездил в Москву за грузом и в тот день находился в столице.

– Как здорово, – сказал ему Вовчик по телефону, – так не хочется на поезде.

Влад любил своих друзей.

– Так поехали, – сказал он просто. – Утром будем дома. Раньше поезда.

У Вовчика, как на экране, перед глазами нарисовалась картина крепко сбитого спокойного, добродушно улыбающегося друга.

...Мимо пролетали поля, городки, деревеньки... Десятки ветряков напомнили Голландию, невероятно сложный матч с «Аяксом» в полуфинале, открывший путь к главному поединку сезона.

Они долго болтали, в основном о футболе. Влад безразлично относился к спортивным трансляциям, но как не послушать из первых уст про интереснейшие подробности из жизни людей, имена которых всем известны. Он только задавал вопросы, а потом по полчаса внимал, поглядывая на рассказчика и иногда еле заметно ухмыляясь.

Ближе к Крестцам Вовчик всё больше стал зевать, фразы укоротились и оборвались вдруг, когда Влад ещё ждал про-

должения. Вовчик сломался. Голова его упала вперёд, покачивалась то влево, то направо, чутко улавливая неровности трассы, как сейсмограф реагирует на малейшие столкновения земных платформ.

– ...Синий мост! – крикнул Влад и толкнул Вовчика в плечо.

Тот откинул голову назад, нашел ей опору, приоткрыл один глаз. Несколько минут просыпался. Наконец открылся второй глаз.

– Всё-таки как красиво... – тихим сонным голосом произнёс он, глядя на буйную зелень Фёдоровского Ручья, уходящего в перспективе в мост через Волхов. – Останови здесь.

– Подышать? – улыбнулся Влад.

– Хочу прогуляться.

– Ну, как скажешь. А я собирался поближе к дому тебя подбросить. Так вечером-то, не забудешь? В пять часов договорились...

– У памятника коню, – подтвердил Вовчик, спрыгивая на тротуар.

– Ну, давай. До вечера!

Фура отошла. Через минуту она уже медленно поднималась по пустому мосту.

Половина пятого. Ещё двенадцать часов до встречи.

«Пройдусь пешком, верну любовь... Хм, хорошее начало для стихотворения. Не забыть... Может, напишу потом... Верну любовь городу, пусть он задохнётся от неё. Жадно рас-

смотрю всё то, что видел тысячи раз, не подозревая, что название этому... название этому... – обоюдная любовь...»

Записав случайно родившиеся слова на листке бумаги, обнаруженном в сумке, он пересёк улицу без всяких правил, игнорируя подземный переход, который много лет назад в шутку называли «метро», поскольку это был первый подземный переход в провинциальном городе.

О! Какая красивая теперь аллея, спускающаяся к реке. Ажурные скамейки, симпатичные фонари. Не так давно это место напоминало помойку. По обеим сторонам аллеи стояли жуткие железные ларьки с китайско-турецкой дребеденью, с горами картонных коробок позади и на крышах, с бедными женщинами, вынужденными торговать в морозы, зарабатывая себе не только на жизнь, но и на лечение от болезней, приобретённых здесь же.

Вовчик дошёл до Волхова и остановился.

«Кусты на той стороне вырублены. Зелёная подстриженная травка, кремль, открытый взглядам приезжих. Явно лучше стало. О чём раньше думали?»

Здесь была тень. Он поёжился, интенсивно потёр обеими руками плечи и, обдуваемый прохладным утренним ветерком с реки, направился в сторону пешеходного «горбатого» моста, стараясь не обращать внимания на двух выпивох, которых нелёгкая вынесла в столь ранний час на набережную.

«Жаль, – подумал Вовчик, – нехорошо».

Они перегородили ему дорогу. Тот, что в мятой клетчатой

рубашке, отбросил жестяную банку. Второй чувствовал себя плохо, перекатывал что-то по пищеводу, угрожающе отводя в сторону пустую бутылку.

– Бабло, сумку, мобилу! – потребовал «клетчатый».

– Конечно, конечно. – Вовчик достал из кармана телефон.

Мужики расслабились: жертва, похоже, не пыталась сопротивляться. «Клетчатый» протянул руку, но незнакомец предупредил:

– Здесь тревожная кнопка. Нажимаю – появляется полиция. Так как?

Он вынужденно блефовал.

«Клетчатый», криво улыбаясь, сунул руку в карман брюк. Не поверил. Вовчик демонстративно нажал на кнопку и с удивлением увидел, как за спиной хулигана из переулка показалась машина с надписью «полиция». Он облегчённо вздохнул: автомобиль повернул в их сторону.

Вышедшие на скользкую дорожку правонарушений абorigены обернулись на шум мотора.

– Быстро собирать мусор и складывать в урны, – скомандовал Вовчик, – а то вам хана!

Пьяницы, оценив обстановку, послушно направились к скамейкам, газон вокруг которых «украшали» россыпи пустой тары.

Надо было пользоваться предоставленной возможностью, и Вовка зашагал дальше.

– Молодцы у вас жители, – крикнул он вышедшему из ма-

шины полицейскому, – не нравится, когда в любимом городе грязно!

– Да уж! – прозвучало в ответ. – Знаем мы этих субчиков. Постоим рядом с ними часок, чтобы не скучали.

Вот и чудненько. Он сбавил шаг и оглянулся. Мимолётные знакомые очистили участок возле первой урны и перешли к следующей. Похоже, занятие их увлекло.

При входе на мост он погладил «на счастье» грудь бронзовой девчонке, отдыхающей со снятыми туфельками после осмотра достопримечательностей города.

На самом верху моста облокотился на перила и закурил, наслаждаясь моментом, думая о предстоящем вечере с друзьями.

Солнышко уже начало нежно припекать.

Спокойная радость затомилась внутри, заполнив собой целиком физическую оболочку, стараясь прорваться наружу, поскольку в выделенном объёме ей становилось тесно. Вот оно, счастье? Отчего такое редкое?

Он смотрел и смотрел. Сначала на мутную воду, просто вниз. Затем на гребной канал, где вечером вдалеке появится точка, превратится в большой катер и уткнётся носом в берег под памятником. Они спрячутся в кустах на канале, будут перебивать друг друга, вспоминая одним им известные случаи. На столе каюты с трудом уместится Вовкина вкуснятина и зелень с Димкиного огорода, посреди гордо встанет бутылка... А может, судно, радостно подпрыгивая на волнах,

унесётся вдаль, на милые сердцу луга, с которыми так много связано, или к быкам-опорам так и не построенной когда-то железки, что торчали из воды. Можно и на озеро махнуть, ведь впереди выходные.

Он перевёл взгляд на пляж.

«Как удачно у нас пляж вписался. Раньше как-то не задумывался. Загораешь, а за спиной сама история – кремль, башни... Лет десять нам было тогда?.. Бегали по парку. У каждого перочинный ножик в кармане. Вырезаешь трубку из высоченных белых цветов, во множестве росших в тени деревьев, горсть бузины в ладонь, – и давай пулять по неприятелю, по другу-однокласснику. Самому в щеку попадёт, неприятно, но в азарте не замечаешь. Бузиной стреляли, пока зелёная, твердая. Станет красная – в рот уже не возьмёшь. Такой кашей не постреляешь... Или ватагой в автобус, с удочками, детскими совками, баночками. Копали здесь же, в парке. Некоторые места до сих пор перерыты. Это уже новое поколение, да и взрослые любят порыбачить. Червячков в баночку, землицы им туда, потерявшие форму ржавые железки (наконечники копий? фрагменты доспехов?) – в сторону, как и изогнутые черепки, части кувшина или миски, изготовленные когда-то гончарных дел мастером. Из интереса протрёшь, под лаком вдоль обода – нанесённая вручную цветная линия. Мальчишки несутся к реке, хватаешь своё имущество – и за ними. Не до посылок из прошлого. Этот интерес чуть позже пришёл, когда узнал, что на раскопки

приглашают на лето школьников. Вдруг берестяную грамоту найду?

А на велосипедах гоняли? Здесь и горки, и малолюдные боковые аллеи. Димка на своем «Харькове» как-то разогнался, решил свернуть с аллеи на тропинку, да не рассчитал. Поворот резкий, надо проехать на скорости в промежутке меж выросших плотной оградой стриженных кустов. Хорошо же тогда он воткнулся! Я за ним еду, притормаживаю. Как в замедленной съёмке летит Димыч через кусты, совершая обороты, почище фигуристов с их тройными тулупами. Где падает, не видно. Велосипед аккуратно припаркован передним колесом между многочисленных стволов куста. Велосипед стоит. А Димки не видно. Полная идиллия! Это – если бы я не видел, что произошло. Смех прёт, не могу остановиться. Бросаю велик на асфальт – и за кусты: «Дим, ты как?» «Чёржёшь, – в ответ. – Сам так кувырнись, я посмотрю...»

Лет в четырнадцать милиционеры стали останавливать. «Нельзя, ребята, в парке на велосипедах. Больше чтоб не видел!» Да... Взрослеть начали. Как мы тогда относились к городу, к кремлю? Да как... Мы здесь родились, носились одинаково, что по двору, что по кремлёвскому парку. Вся эта территория была нашей... А сейчас... Приезжаю сюда как в какой-нибудь баварский городок на экскурсию. Нет, нет, конечно. Приезжаю домой, но смотрю другими глазами».

Пожалуй, именно так. Закинув руки за голову, потянув спину, он прошептал:

– Привет. Я дома.

Постоял так, будто ожидая ответа.

Тихо зазвучала флейта. Он повернул голову вправо и стал высматривать источник музыки.

Там, внизу, у выхода с моста, расположились молодые музыканты. Трое сидели на гранитном парапете. Одна девушка стояла, играя на флейте.

Это было очень красиво. В залах он никогда не слышал такой красивой музыки. Но однажды, и это крепко запало в память, ему довелось услышать звуки необычайной силы воздействия. Недалеко отсюда, в кремле, возле памятника «Тысячелетие России», много лет назад собралась толпа, из эпицентра которой доносилась божественная мелодия. Всё внимание было обращено на двух флейтисток. В чём заключалась магия звука? В том ли, что действие происходило внутри кремля, или же бесконечная зелень множества деревьев вокруг создавала мельчайшие эффекты эха и реверберации, придавая звуку особенный объём? Вовчик немного разобрался в способах записи звука, в акустике помещений и открытых пространств, но анализ был излишним, оставалось просто отдаться волшебству происходящего на его глазах таинства, растворившись в музыке...

Звучавшая сейчас флейта манила, ноги сами понесли Вовчика по мосту вниз.

Он дошёл до ребят, остановился у края перил, облокотился на них.

Те трое, что сидели, занимались своими инструментами. На мосту никого. От моста до входа в кремль – никого.

Одинокого путника в пустыне всегда заметят.

– Закурить? – спросил Вовчика паренёк с гитарой. Он сидел на гранитном парапете в одних шортах. Причёска его представляла собою объёмную «диаграмму» из острых пучков стриженных волос, расположенных в пересечениях параллелей и меридианов.

– Спасибо, я наверху только что курил.

Вовчик улыбнулся и махнул рукой назад, за себя, обозначая точку курения. Добавил:

– Мне понравилась флейта.

Девушка, игравшая на волшебном инструменте посреди асфальтированной площадки, предвещающей подъём на мост, озорно оглянулась и вернулась к своим друзьям.

– А Вы прикольный! – задорно бросила она реплику. – Вы играете?

– Не, я просто прикольный.

Вовчик улыбался и лукаво шурился, чем расположил к себе молодёжь.

– Так Вы играете? – настойчиво повторила барышня. Её огромные чёрные глаза и короткая туника на мгновение придушили разум, не оставив шансов сосредоточиться.

– Как Вам сказать... – он не продолжил свою фразу, и девушка этим воспользовалась.

– Саш, дай ему гитару.

– Нет, Санёк, – он подошёл к пареньку с меридианами на голове и присел рядом. – Можете сыграть одну вещь на слух?

– Можем, – удивился Саша, – пожалуй. А что Вы хотите? Вовчик неспешно оглядел всех четверых.

– Извините. Вы же... репетируете, наверное?

Они согласно кивнули. Сашка добавил:

– Мы тут вечером выступаем. Аншлаги! – похвастался.

– Отлично! А можете сыграть?.. – Вовчик достал из кармана мобильник любопытного дизайнера, что-то начал искать в списке. – Вот это.

После флейты телефон, показалось, просто запищал. Через пару секунд девушка со скрипкой воскликнула:

– Я уже пробовала играть этот трек!

Все повернулись в её сторону.

– Пробовала, мне нравится, но скрипки мало!

– Владимир! – Вовчик подал ей руку.

– Аня...

– Ты – Саша, – Вовчик пожал руку гитаристу.

– Ксюха! – смешно присела флейтистка, чуть не уронив инструмент.

– Андрей, – представился второй парень.

Вовчик повернулся опять к девушке со скрипкой.

– Так Вы...

– Давайте на «ты», – предложил Санёк. – Вы нам нравитесь.

– Так ты, говоришь, играла? – продолжил Вовчик начатую фразу.

– Играла. Не всё. Тут разные инструменты нужны...

Вовчик внимательно слушал.

– Вот вступление, например. Играет только бас. Ощущение, что назревает буря, или какой-то взрыв эмоций. И вот она, средняя, главная часть. После вступления сильная атака, попробуем сыграть в две гитары. Это насыщенный инструментальный отрывок. Играют все инструменты. Взрыв эмоций постепенно замещается спокойствием и удовлетворением, но главная тема продолжает дозвучивать. Третья часть – неожиданная, рок-н-рольная, это красивая точка.

– Я тоже слышал, – сказал Санёк. – Не помню, где...

– Я вас всех сейчас удивлю, – захлопала в ладошки Ксюша, – но я слышала эту вещь на местной радиостанции.

– Точно! – Аня широко открыла глаза. – Я вспомнила! Давайте попробуем сыграть. Мне очень нравится! Андрей, ты на басах, с тебя начало.

– Я ни разу не слышал!

– Да у тебя самая простая партия. Эх, тут бы контрабас! Владимир, можно включить ещё раз?

– Не вопрос. – Вовчик положил защитного цвета телефон с небольшими конусами по бокам на парапет. Рядом, сняв с плеча, поставил кожаную сумку. – Вот, кнопка на экране «play-stop». Как везде, ничего трудного. Я пока прогуляюсь.

Он сделал несколько шагов к лестнице, ведущей на пляж,

и, оглянувшись, серьёзно добавил:

– Телефон в руки не брать, опасно для жизни.

Молодёжь приветствовала шутку смехом.

Вниз вели всего несколько десятков ступенек. С последней он спрыгнул прямо на песок. Скинул туфли, снял носки. Какая холодная вода в Волхове! С купанием, как и с горячим чаем, у него были проблемы. Когда-то, классе в десятом, они поехали с Димкой и Владом за город, на Веряжу, небольшую речку. Влад ржал и пытался кинуть его в реку, плескал в лицо водой, веселился, словно щенок. У Вовчика же был какой-то непреодолимый барьер. Он боялся воды. Дело дошло до перебранки.

Он стоял на берегу после «купания» с Владом. Его трясло как тощую псину зимой, выбравшуюся из полыньи. Дима же спокойно взял его за руку и повёл в воду.

– Садись потихоньку, я тебя держу, – сказал, когда они дошли до места, где плавки могли намокнуть. Вовчик уже согрелся на солнышке, да и со спокойным Димкой было не страшно. Он, дрожа вовсе не от холода, присел и быстро встал.

– Давай, не бойся, – подбодрил друг.

Он сажился тогда несколько раз, осмелел настолько, что только голова оставалась на поверхности. Плавать, правда, так и не научился.

На берегу Влад опять начал задирать:

– Ну, чё, пошли, скупнёмся?

– С Димкой пойду. С тобой – нет, – ответил Вовчик.

Сейчас он ходил по пляжу, едва заходя в воду, закатав до колен брюки, и прислушивался к тому, что происходило наверху, у входа на мост.

«Толковые ребята, – подумал, – ещё пару раз прорепетируют, и можно подниматься к ним».

Минут через двадцать, когда он уже сидел на пляжной скамейке и грелся на солнышке, услышал смешливое:

– Вовчик! Ой, извините! Владимир! Идите к нам!

«Странно, – подумал, – они намного моложе меня, а тоже тянет назвать Вовчиком. Видно, не отделаюсь от этой напасти никогда».

Они выстроились перед ним: две гитары, скрипка и флейта. Он успел только подумать, как здесь можно использовать флейту, и тут они начали играть.

Вступление. Басист старательно передавал томительное ожидание, нетерпение. Вовчик увидел летящую под колёса шершавую серую ленту.

«Дорога. Машина. Мелькают деревья, поля, дома. Пауза несколько тактов... Сейчас должен быть взрыв эмоций, вознаграждение слушателя. Да! Вторая гитара, скрипка, флейта соревнуются, но не мешают друг другу, рассказывая историю. Вот оно, ощущение того, что я дома. Вот Волхов, вот кремль, вот горбатый мост и эти милые юные существа, только вступающие в жизнь, но так сильно её чувствующие! Снижение накала. Это дом, мама. Школа рядом. Опять зелень

улиц, бульваров, перезвон колоколов. Боже, у меня заложен перезвон, но как они его смогли передать этими инструментами? Рок-н-ролльная концовка. Пошли клипы: вид города с самолёта, церкви, кремлёвские башни...»

– Владимир. Всё нормально?

Он отлепил мокрые ладони от лица.

– Да, да...

Когда он закрыл глаза?

Вовчик присел на парапет. Оказывается, он не один слушал ребят. Человек десять хлопали музыкантам и, кажется, ждали продолжения.

Ксюша склонилась над ним.

– Что с Вами? Вам плохо?

– Спасибо, Ксюш, это я от счастья.

– Это Ваша музыка играет на радио?

– Моя, смышлёная ты моя.

Он сунул в карман телефон, собираясь прощаться. Понял, что не может здесь больше оставаться.

– Владимир! – эта молодая симпатяшка с флейтой, прижатой к груди, и не собиралась уступать ему дорогу. – Владимир, мне нужен номер Вашего телефона.

Аня копалась в своей сумочке, наконец, подала подружке блокнот и ручку.

– Вы напишите свой телефончик и ещё... Можно нам исполнять эту композицию?

Ещё не пришедший в себя Вовчик записал в блокнотик

номер и имя. Его немного колотило.

– Можно? – снова спросила Ксюша. – Не бойтесь, мы будем объявлять автора.

– А, нет-нет, – он растерянно оглянулся на ребят и неожиданно расслабился, вновь заулыбался. – Играйте, конечно.

Дописав название, он вернул канцтовары владельцам.

– «Домой» называется. Играйте... И автора не надо...

Девчонки облегчённо вздохнули.

Вовчик коснулся ладонью Ксюшиного плеча и пошёл прочь.

– Спасибо Вам! – донеслось сзади.

– Спасибо вам! – оглянулся он и помахал им рукой.

– Я Вам позвоню! – крикнула Ксюша.

«Хорошая девочка. Сколько ей? Восемнадцать? А мне?

Стыдно, Владимир Валентинович!»

Закусив от нахлынувшей злости губу до крови, он свернул налево и медленно зашагал вдоль кремлёвской стены. Он шёл, опустив голову и сунув руки в карманы, а в голове звучала только что слышанная им музыка. Когда-то он записал её на компьютере, затем знакомый поработал с композицией в студии. Получилось достаточно качественно, чтобы предложить местной радиостанции. Но от этого испытанное им потрясение было ещё больше. И ребята не сыгрались, и ошибки он кое-где улавливал, но звук... живой звук...

Пляж слева закончился.

А вот и «памятник коню». Так они в детстве называ-

ли памятное сооружение. Огромный железный конь с воином, вскинувшим меч, попирал своей массой искорёженную немецкую свастику.

На берегу внизу, прямо под памятником, они соберутся в пять вечера.

А через полчаса, пройдя парк, проехав несколько остановок, он увидит маму.

Глава 2. В ожидании встречи

«Ну, вот я и дома».

Он быстро, через две-три ступеньки, поднялся на пятый этаж, взволнованно ожидая, пока дверь откроется.

Александра Михайловна не любила телефонов и прочих гаджетов. Из прошлого она оставила телевизор (теперь плоский; повешенный на стену, он ей даже нравился) и механический будильник. Вовчик, навещая её один-два раза в год, уговаривал установить телефон. Будучи сам упрямым, купил наконец ей мобильник. Приучал неделю, а может, и дольше, как собаку Павлова, звоня из Москвы и европейских городов. Сначала мама просто игнорировала звонки, затем гаджет разрядился. А зачем ей заряжать «ненужную игрушку»? Договорился с соседкой, что телефон будет лежать у неё, что она может им пользоваться, но в случае звонка от него обязуется относить трубку маме.

Случилось то, чего он боялся. Просто однажды Александра Михайловна послала соседку куда подальше, оставив свой телефон у себя. Тут же ей вернули и зарядное устройство. «Игрушка» разрядилась. Вовчик сгладил это происшествие в очередной свой приезд деликатесами из столицы, попросив соседку всё же заходить к маме и, если возникнет необходимость, звонить ему. Одна проблема была улажена.

Теперь, по прошествии нескольких лет, звонки для его ма-

мы стали обычным делом. Конечно, мама не церемонилась, посылая зачастую «висевшего на проводе» сына. Но это был прогресс. Правда, для этого Вовчику пришлось догадаться купить ретро-телефон с современной электронной начинкой. Такие выпускались в семидесятые годы, но звонить теперь приходилось через интернет. Мама была довольна. Зарядное устройство отпало само собой, база со встроенным модемом включалась в сеть. Трубку с базой связывал витой шнур, но мама наотрез отказалась убрать эту бутафорию. Была бы связь, рассуждал он, боясь спугнуть союз самого родного человека с безотказным чудом связи.

...За дверью послышалось шарканье ног и ворчание. Звякнул замок, дверь распахнулась. Войдя внутрь, он обнял маму, она по привычке оттолкнула его, метясь ложкой в лоб, он по привычке подставил руку.

Ничего удивительного. Обычные тёплые отношения мамы с сыном.

– Я думала, ты с какой-нибудь девкой приедешь. А ты опять один. Нестоиха?

В тёплых залатанных штанах, в которых когда-то работала на овощебазе, мама прошла на кухню, махнув Вовке рукой.

– Да всё нормально, ма. Девчонок и тут пруд пруди.

– Может, московские лучше...

Вовчик в привезённых для такого случая тапках из Москвы прошёл вслед за мамой, сел на табурет.

– И те ничего.

Он улыбнулся, а она завелась от его слов, от наведённых на неё прищуренных глаз. Ложка снова едва не попала в цель.

– Блин! – отбившись, вскрикнул Вовка. – Я крутой человек, а ты... По заграницам езжу, а ты...

– Мамку-то бросил, ай-ай-ай! Крутой. Девку не привёз. Крутой... – она вытерла махом глаза кухонным полотенцем, что свисало с плеча. – У других внуки, а я тут... Картошка тебе с пельменями и сметаной, как любишь.

– А у меня вот что есть, – откликнулся Вовчик, огорчённый таким приёмом. Впрочем, примерно так же происходила каждая встреча.

Он начал сооружать на столе гору из цветных упаковок, что привёз в сумке.

– Ну... – мама вновь показала ложку. Вовчик отступил. – Дурень. Ешь!

Последними на горку сверху легли упаковки с таблетками, привезённые из Европы. Обрадовавшись ненадолго, мама продолжила террор.

– Привёз фантиков красивых, – ворчала она, пока он, давно не едавший незамысловатой маминой стряпни, опустошал эмалированную миску, исходившую паром, – а что там внутри? Говорят, в Москве питаются такой вот дрянью, – мама покосилась на привезённое Вовчиком «богатство», – так идохнут.

– Не знаю,дохнут ли, – с набитым ртом вещал Вовчик, –

а здесь так вкусно.

За что получил ладонью в лоб. Ложка-то у него. Другие ложки мама доставала только при гостях, да и то не всегда.

– Ну, пойдёшь куда?

«К чему бы это она спросила?»

– Не, ночь не спал.

Мама пошла стелить, а, вернувшись, продолжила гнуть свою линию:

– А то хошь, Ленку позову, ты её не знаешь, только въехали.

– Мам, я один как-нибудь.

– Кобель! – фыркнула мама напоследок. – Иди... как-нибудь он!

«Да, дома – это тебе не... не дома», – успел подумать Вовчик, прежде чем заснул.

Милые девушки окружили господина Владимира, обсуждая, какой костюм ему сегодня наиболее подойдёт. Он ждал вердикта. Пусть отрабатывают свои деньги, зря платить он не будет.

Девушки расступились перед экраном. Одна из них комментировала комплекты нижнего белья, появившиеся чередой на огромной настенной панели. Мужские трусы присутствовали в каждой комбинации. Классические чёрные, укороченные синие в горошек, белые с пуговичками спереди и сзади. Трусы шли в разных сочетаниях с мужским топилом.

Но главные страсти разгорелись вокруг галстука. Девчонки начали кричать, невзирая на присутствие шефа, отстаивая свои позиции. «Шеф – это я», – с удовлетворением понял Вовка, и рявкнул на распоясавшихся баб. Те быстро выбрали комплект.

Ему поднесли несколько бутылок: водка, виски, водка, ещё водка, Мерло 1956 года. Пришлось рыкнуть: дуры, туда-сюда! Какое, нафиг, Мерло? Вино исчезло. Девки тоже.

Вовка себя вдруг осознал.

Он жил тут не единожды. Несколько раз в год он становился счастливейшим человеком. Чёрт, при чём тут бельё? Неважно, это потом.

Сейчас – пить, пить. На закуску девчонки оставили несколько конфеток. Зачем? Первый раз, что ли? Можно и без конфет.

Первая бутылка – так, разогнаться. Ничего водочка, но через фильтры недостаточно прогнали. Вкус на троечку.

Вторая. Карамельку? Рано...

О! Виски захотелось... он зевнул... тепло по телу... карамелька к виски? Не, ну, на...

...Завтра как сегодня, только начинается сразу с приятного, без баб.

...Неделя, полёт нормальный.

...Две...

Чёрт! Бабы всегда влезут!

«Куда, вы говорите? Важно? Надо идти?»

Он вздохнул... А-а, вот и комплект. Ну, девочки, ну, спасибо. Не зря плачу вам. Настоящий деловой костюм. Трусы в горошек, мини-топик. Идеально, со вкусом подобрана бабочка под трусы с горошком. Не, Ляля, пошатывать не должно. Тебе показалось. Дай-ка вон ту бутылку... правее. Их там две? Ну, ты держишь ту, что посередине... ага, давай. Не, шатать не будет.

– ...рассыти, – после приветствия в адрес альфа-самца Вовка сделал дежурный комплимент, – какие у Вас усы! Вы знаете, они будут нам мешать э... работать. Я? Работать пришёл, что за вопросы. В качестве кого? Я умелая... я умелый.

...Судорожно вдохнув побольше воздуха, Вовка перевернулся на другой бок...

– Давайте Вашу рукопись, – мужчина в усах протянул руку.

– К-какую рукопись? – опешил Вовчик.

– Вы же хотите печататься?

Этот нелепый коротышка протянул ему рукопись, одёрнув свой элегантный топик.

Мужчина полистал и уставился на гостя.

– Как часто вы пьёте?

Вовка смутился, но принял вызов:

– Каждый день!

– Сколько?

– Это... а Вы кто?

– Психотерапевт.

– Две бутылки. Три. Бывает.

Он оглянулся на дверь, в которую вошёл.

– Извините, это ред-дакция?

– Да. Пьёте постоянно?

– Не-а. Меня девчонки останавливают.

– Это они на Вас топик с бабочкой нацепили?

– А-га...

– Как они Вас останавливают?

– Говорят: одевайся, и иди.

– А Вы?

– Ну, пришёл ведь!

– А иначе?

– Отказали бы, – прошептал посетитель, – в близости.

Сильно шевеля усами, мужик походил по кабинету. Подвинул стул к Вовчику.

– Как я понял, – сказал он громко, – Вам приходится делать перерывы, чтобы испытывать радость общения с противоположным полом. Не так ли?

Вова с готовностью мотнул головой.

– Может, я Вас и удивлю, – продолжил собеседник, – но как вра... э... как друг могу посоветовать... Кстати, после этого... будем называть прямо – после запоев – Вы какие ощущения испытываете? Можете рассказать?

– О, да! – Вовка оживился. – Меня радует каждая мелочь. Чищу зубы, принимаю ванны. Тащусь, надевая белую сорочку с накрахмаленным воротничком. Вдыхаю ароматы рас-

пускающихся листиков, прогуливаясь по парку. Здравуюсь со всеми встречными. Невероятные ощущения, их хочется испытывать почаще... увы.

– Вы начинаете снова пить?

Вова снова кивнул.

– Вы сейчас, так сказать, – мужчина направил пухлый указательный сосиско-палец в потолок, – «наверху»?

Коротышка подтвердил его предположение.

– М-да, м-да... Мой Вам совет, любезный. Увеличивайте время нахождения «внизу». Да, а что Вы думали? – он перешёл на шёпот. Вовчик почувствовал доверие к собеседнику, чьи жёсткие усы щекотали деликатную точку ниже уха. – А теперь представьте, как Вы возвращаетесь оттуда. Рубашка с воротничком, душ два раза в день, зубная паста... Вы испытаете небывалое счастье!

– Да, – Вовка обрадовался его предложению, – а вы, психологи, не зря едите свой хлеб. Спасибо. До свиданья.

Он встал. И уже у двери вспомнил:

– Рукопись! Напечатаете?

– Безусловно, мил человек, – врач-редактор подхватил гостя под локоток, – безусловно...

«К чему бы это?» – Вовка ещё некоторое время лежал на боку, опираясь на локоть.

– Ма! – крикнул он. – Какой сегодня день недели?

– Пятница, – откликнулась мама.

«С четверга на пятницу, – с досадой подумал Вовчик, но тут же повеселел. – Тьфу, ты! Я же утром в пятницу уснул, на часок прилѐг!»

– С бабой не пущу! – напутствовала его мама, когда он, накинув ремень сумки на плечо, открыл дверь на лестничную площадку.

Так же, как двадцать лет назад, отправляясь на завод, он легко сбежал по ступенькам вниз, поздоровался с сидевшими на скамейке у подъезда бабульками.

– Здрасьте, – озадаченно отвечали те, так и не привыкнув к его опрятной одежде и ухоженному лицу с аккуратными усиками и бородкой.

Сделав несколько шагов, он остановился под деревцами с круглыми кронами, обдумывая дальнейший свой путь.

Ивушки качали головами, привечая гостя. Продумав маршрут, Вовка вырулил на тротуар, вынужденно подставив себя солнцу. Он здоровался, встречая знакомых, которые, завидев лишь знакомую фигуру и лицо, бесцеремонно «тыкали», толкали в грудь или плечо, имея целью лишь поправить то, что они называли здоровьем.

С некоторых пор он стал обходить таких личностей стороной, но то в Москве. Здесь его все знали и помнили. Ему приходилось вежливо отказываться от предлагаемого пойла, либо давать сотню, чтобы отвязались.

В небольшом прохладном магазинчике Вова задержался. Мужиков десять, также не торопясь, рассматривали, выби-

рая, добычу. Он взял одну бутылку водки и встал в очередь.

Неожиданно у того мужчины, что стоял возле кассы, разорвал тишину телефон. Покупатель достал аппарат из кармана и выругался. То же самое происходило с каждым, кто начинал расплачиваться у кассы.

– Идиоты! – услышал Вовчик за спиной знакомый голос, заставивший его обернуться. Позади стоял пожилой человек. Сжимая в руке корзину с бутылкой, он раздражённо наблюдал очередную сцену возле продавца.

– Идиоты! – повторил мужчина. И посмотрел на Вовчика, собираясь поделиться с первым встречным своим негодованием.

– Степаныч! – обрадовался Вовка.

– Вовчик, ё-моё! – просиял мужчина, показав в верхнем ряду зубов, ровно посередине, щёлочку. – Давай, твоя очередь.

«Сейчас у меня зазвенит», – подумал Вовка, протягивая кассиру карту и довольно поглядывая на знакомого, но телефон молчал.

– Уважуха, чувак! – крикнул кто-то из конца очереди.

Спектакль тут же продолжился. Это у Степаныча в кармане грянул марш.

Они вышли, оставив магазин и нескольких гудящих от возмущения покупателей.

– Давно не виделись! – Степаныч не смог сдержать порыва, крепко прижав к себе одной рукой невысокого друга сво-

его сына. – Какими судьбами?

– Живу я тут, – как только освободился из объятий, прищурился Вовчик.

– Да ладно, я знаю, ты в Москве, Лигу Чемпионов долбишь. Димка говорил.

– Слухи, – всё так же улыбаясь, откликнулся Вовчик.

Они присели на скамеечке. Мимо почти никто не проходил, все прятались в тень, прижимаясь к домам.

– Слушай, дядь Паш, а чего это там весь магазин загудел, как пчелиный рой?

– А... – Павел Степанович помрачнел. Он отвернулся, стукнул себя по коленке. – Гловас, мать его, отслеживает, – кто, в каком магазине, какие покупки совершает.

– Может, ГЛОНАСС? – поинтересовался Вовчик.

– И вас тоже, – отшутился Степаныч, – вот смотри...

Он достал свой телефон, что-то выискивая.

– Ага! Слушай! «Уважаемый Павел Степанович! В этом месяце Вами закуплено алкогольной продукции на сумму, превышающую две тысячи рублей. Настоятельно рекомендуем Вам отказаться от данной покупки. Напоминаем, что с первого августа текущего года вступит в силу Закон о душевом потреблении алкогольной продукции. После исчерпания лимита в 2000 руб. в месяц все магазины будут обязаны отказывать Вам в приобретении напитков, содержащих алкоголь. Региональная антиалкогольная служба».

– Мм? – удивился Вовчик. – И что, все мужики, галдев-

шие в магазине, получили такие сообщения?

– В том-то и дело!

Вовчик присвистнул. Он вмиг оценил, что это значит для любителей «зелёного змия».

Степаныч грустно смотрел на Вовку, собираясь крутануть пробку на бутылке.

– Ну, что? За встречу?

«Денег мало, не хочет свою открывать», – мелькнуло в голове Вовчика. Но он ошибся. Опустив бутылку на скамейку между ног, Степаныч произнёс:

– Не хотелось бы пить. Жарко. Да и возраст.

– Ну, и правильно, – поддержал Вовка. – Я десять лет не пил, и тебе не советую. Кстати, а чего ты её купил-то?

– Да так, про запас. Тяпнуть иногда соточку для здоровья.

– Да-а... – Вовка потёр нос, посмотрел оценивающе на отца друга-одноклассника. – Дядь Паш, ты торопишься?

– Я на пенсии, Вовчик. Тебе помочь чего?

– Ну. Надо было в супермаркет идти, а я сюда сунулся. Там и водку, и закуску сразу купил бы.

– Пойдём, провожу. Заодно с твоей сумкой у магазина постою.

Вовчик плёлся позади пенсионера по узкой дорожке, выбранной Степанычем, отвечая на вопросы о закулисной жизни ставших великими на его глазах футболистов.

«А он молоток, – думал в паузах, – держится бодро, почти не пьёт, не заплывает жирком. Животик пивной немно-

го. Ходит пешком, много ходит... Ему бы сбрить эти три длинные волосины, что он любовно зачёсывает назад, прикрывая лысину... А одеваемся мы с ним одинаково, рубашка с длинным рукавом. Я-то к ним привычен, а он чего? Открыл бы руки. С другой стороны, можно спросить, почему он не в шортах. Глупо. Зато Димка его не вылезает из маек».

Вопросы о футбольных тайнах неожиданно прервались занимательной фразой:

– Дима тебя бароном называет. «Сегодня приедет барон, встречаемся у коня вечером». Уже не первый раз. Титул купил, что ли?

Отец друга оглянулся, ожидая ответа. Они подходили к супермаркету. Прежде чем скрыться в магазине, Вовка отдал ему сумку.

– Ну, колись, – продолжил вскоре нажим Степаныч, пока Вовчик складывал покупки.

– Титула, увы, нет. Это всё показуха. Друзья важнее. – сумка теперь заметно давила на плечо. – Уже много лет, приезжая в отпуск, я встречаюсь с Димкой и Владом... Слушай, дядь Паш! Неси свою бутылку домой и приходи к нам. До пяти ещё долго. Заодно и узнаешь про барона.

Степаныч потоптался, поглядывая по сторонам, провёл ладонью по блестящему на лысине солнцу, вздохнул и вдруг решился.

– А-а... Чего терять! Ходить туда-сюда... Я иду с тобой. Вот мой взнос, – он поднял полиэтиленовый пакет со своей

бутылкой. – Сочточку мне нальёте, про футбол поговорим...

– А тётя Нина? – с нотками сомнения спросил Вовка. – Она у вас строгая, ругаться будет.

Дядя Паша отмахнулся.

– Позвоню. Скажу, что с Димой, она и успокоится.

Пройдя не торопясь полчаса по пеклу, они вошли в парк.

Глава 3. Влипли!

Тысячи горожан, несмотря на рабочий день, устроили в этой обители зелёного блаженства броуновское движение. Тем же, кто хотел отдохнуть, скамеек в тени не хватало, и люди садились под деревьями прямо на газон.

– Вон свободная скамейка! Рядом с Шаляпиным.

Степаныч указал на памятник.

– Это Рахманинов, – возразил Вовка. – Метра три высотой. И скамейка, соответственно, тебе по грудь будет.

– Да? А я смотрю – в шляпе, думал, Шаляпин.

– Сам ты... – Вовка посмотрел на башню с циферблатом. – Так, три часа.

Он сел под дерево, прислонившись к стволу. Рядом пристроился Степаныч. Что-то хрустнуло у него в руках, запущенных в полиэтиленовый пакет.

– Ну, Павел Степанович! – укоризненно произнёс Вовчик, догадавшись, что произошло. – Всего два часа подождать!

– Таскать надоело. А здесь хорошо, прохладно. По соточке не помешает.

Димкин отец начал вытаскивать бутылку на божий свет, но молодой друг упредил его, схватив за руки.

– Тихо, тихо. Вокруг люди. Полиция, когда их не ждёшь... Держи так.

Он нашёл два пластмассовых стакана в сумке, взял пакет

у Степаныча и ловко налил два по пятьдесят, не вынимая бутылки.

– Лимонад! – сказал, прислонив пакет с бутылкой к сумке, из которой вытащил небольшую упаковку с нарезанным сыром. Подмигнув, уточнил: – Типа – лимонад.

Степаныч понимающе кивнул.

– Ловкость рук... Ну, за встречу!

Выпив, дед недоумённо повертел головой:

– И чего это я вдруг? Ладно. На встрече не буду пить. Ну-ка, как это ты?

Схватив свой пакет, он спрятал там стакан, манипулируя предметами.

– Ну, Павел Степанович! – второй раз за короткое время пристыдил его Вовка и тут же увидел перед носом стакан «с горочкой».

– Не получилось, – пожал плечами Степаныч, наливая себе. Теперь ему было проще, знание основ арифметики подсказывало, что бутылку надо опустошать до дна.

Пожевав сыра, они отвалились на ствол могучей липы.

– Нехорошо получилось, – пробормотал Вовка, когда понял, что начинает засыпать.

– Так надо ещё по чуть-чуть, – очень убедительно откликнулся Степаныч. – Бодрость духа приходит после трёхсот.

– Точно знаешь? – усомнился немного потерявший себя в пространстве и ощущениях отпускник.

Дядя Паша хмыкнул:

– Мне ли не знать! Давай свою бутылку.

– Не, нам на встречу ещё.

Покурив на пару со Степанычем, побродив вокруг дерева, Вовчик почувствовал себя энергичнее. Появилась солидарность с дядей Пашей: чуть-чуть не хватает.

– Доставай мою! – скомандовал он.

Вовчик уже отпустил вожжи, наслаждаясь происходящим, а у Степаныча снова получились полные стаканы.

– Тьфу ты! Павел Степаныч, нам ещё на встречу идти!

– А что тут пить-то?

Махнув рукой, Вовка выпил, следуя примеру старшего товарища. Сказал:

– Давай, закусывай хорошенько. Колбаса, хлеб, всё нарезано, – с набитым едой ртом добавил: – Теперь придётся снова в магазин заходить. Вот кто виноват?

Степаныч рассмеялся.

– Да! И что делать?

Вовка с трудом поднялся, опираясь на ствол.

– Пошли.

Он схватил сумку и зашагал к фонтану. Бодрость, в самом деле, пришла. Степаныч еле поспевал, боясь за початую бутылку. Он поднимал на ходу пакет, шупал горлышко, проверяя, не мокро ли.

– Куда мы? – крикнул он вслед.

Вовчик не удостоил вниманием фонтан, а остановился лишь возле эстрады. Несколько взрослых с детьми стояли

перед сценой.

В глубине сцены расположилась инструментальная группа. Подошедшая к гитаристу женщина держала за руку девочку лет шести. Молодая мама помогала себе свободной рукой, полагая, что мелькающие перед лицом мужчины пальцы лучше доведут до него смысл сказанного. Музыкант кивнул, вышел к краю сцены и объявил в микрофон:

– Сейчас девочка Маша, – он посмотрел на женщину, та утвердительно кивнула, – споёт песенку «Голубой вагон».

Зрители жидко захлопали.

– А чего мы тут стоим-то? – Степаныч заглянул в свой пакет. – Ни выпить, ни чего...

– Да... хотел в магазин... а тут знакомого увидел на сцене. Пели с ним в группе вместе. Ещё на заводе.

Девочка Маша, подбадриваемая зрителями, старательно пела любимую песенку.

Повесив свою сумку на Степаныча, Вовка направился к ступенькам на левом краю сцены, собираясь подняться наверх после девчужки. То, что музыканты, оставив инструменты, вышли в боковую дверь, его не смутило. Перекур, стало быть. Лишь клавишник, полистав блокнот, начал негромко наигрывать знакомую тему, обозначая небольшой перерыв.

Неожиданно на плечо музыканта легла чья-то рука, заставив обернуться.

– Вовчик! – привстал он. – Сто лет! Ты откуда?

Они ударили по рукам.

– Из Москвы. В отпуске.

– Вот это да! Сто лет!

Мужчина с горбинкой на носу и живыми чёрными глазами улыбался не знающему, что сказать, старому приятелю.

– А ты играть-то не разучился? Может, сбациаешь с нами что-нибудь?

– Так вот сто лет. Вспомнят ли руки?

– Попробуй. Сейчас ребята выйдут, потреникай пока на гитаре. Давай, не робей.

Вовчик взял гитару и сам удивился, насколько легко удаётся ладить с инструментом. Игорь, довольно покачивая головой, вставлял иногда россыпи нот с клавиш.

Появились музыканты, недоумённо поглядывая на незнакомца с гитарой. А тот уже и не думал останавливаться.

Игорь жестом подозвал приятелей и что-то недолго им объяснял. Барабанщик сел за установку, басист начал подыгрывать Вовчику, нехитрый набор аккордов своевременно расцветчивал сидящий за синтезатором Игорь.

– Уловил? – спросил Вовчик вставшего рядом прислушивающегося гитариста.

– Припев ещё раз, – попросил парень.

Вовчик сыграл снова. Отдавая гитару хозяину, добавил:

– Здесь немного необычное построение текста. Три куплета подряд, затем два припева.

Парень кивнул.

Музыкальное сопровождение, не прерываясь, вышло на начало песни. Вовчик уже стоял у микрофона, готовый открыть рот.

– Вот память – холст, на нём мазки:
События, поступки,
Движения её души
И даже ножки, даже губки.
– И «да», и «нет» – одним мазком
Рисует кисть сознания.
Так пишется портрет теплом,
Теплом и красками свиданья.

Степаныч прислонился к ограде. Неожиданно он поймал себя на мысли, что получает удовольствие от песни, от голоса Вовчика, поскольку всегда пребывал в твёрдой уверенности, что тому медведь на ухо наступил.

А под сводами величественных деревьев парка неслось:

– Пропал безликий серый цвет,
Таинственно, не сразу
На полотне возник портрет,
Возник, затмив собою разум.

Нежно, местами с надрывом, прозвучал припев:

– В парадный холл родного «я»
Я поместил картину.

Девчонка, милая моя,
Буди во мне мужчину.
Девчонка, милая моя...

Слово «мужчину» Вовчик лихо разбил надвое, прорычав второй слог, чем вызвал шквал аплодисментов и свист поведселевшей публики. Последней стало заметно больше. Люди начали подтягиваться к эстраде.

– Своим присутствием буди,
Волнуй игривым взглядом.
Не торопись, не уходи,
Побудь немного рядом.
Не торопись, не уходи...

Зрители хлопали, не дожидаясь последних аккордов. Крики «ещё!» и «давай!» перекрывали звучание инструментов.

У Вовчика закружилась голова. Он пошатнулся. «От успеха, – подумал. – А Степаныч был прав, после трёхсот появилась лёгкость». Он снова почувствовал себя тем двадцатилетним пареньком, играющим в вокально-инструментальном ансамбле на заводской вечеринке.

– Ну, что, старик? – крикнул в ухо подошедший Игорь. – Народу нравится. Давай ещё чего-нибудь вспомним.

– А новое, – возразил Вовчик, – я объясню быстренько.

Он сбегал к барабанщику, подсказал аккорды гитаристу, чтобы тот легче подстроился в процессе исполнения песни,

басисту просто махнул рукой. Что-то бросив на ходу Игорю, снова подошёл к микрофону.

– Мужчина, – обратился он к одному из зрителей, судя по внешности, кавказцу, – будьте добры, одолжите Ваш аэродром на три минуты.

Послышался смех. Кавказец, несмотря на жару, был в кепи.

– Да, дорогой, хоть на тридцать три!

Обрадовавшийся южанин пробрался к сцене, протянул Вовчику головной убор и, повернувшись к толпе, крикнул:

– Гиви не жалко аэродрома для артиста.

– Спасибо, Гиви! – усилитель разнёс голос Вовчика по окрестностям. Он выдержал небольшую паузу, затем крикнул в микрофон: – Моника-а-а! В кавказском стиле!

И, нахлобучив кепку на свою небольшую голову, выразительно играя бровью, стал заводит толпу, придавая голосу южный акцент и активно работая руками.

– Меня укусила Натаха,
Меня укусила Натаха,
Я ей говорю:
Вай, вай, вай-вай!
Натаха, ты, блин,
Учись целоваться,
Учись целоваться,
Не надо так сильно кусаться!

Если первые две строки прозвучали под аккомпанемент барабанщика, который бил ладонями по небольшим барабанам, не пользуясь палочками, то следом подключились все музыканты. Специфичные жесты певца, борода, усы и кепи увели зрителей на склоны гор, к отарам овец, к стоящему одиноко пастуху в бурке.

Надо знать людей с южным темпераментом! Гиви и ещё несколько кавказских ребят уговорили толпу расступиться перед сценой, начав отплясывать в образовавшемся круге национальный танец.

– Меня укусила Обама,
Меня укусила Обама,
Я ей говорю:
Вай, вай, вай-вай!
Мишель, ma belle,
Учись целоваться,
Учись целоваться,
Собаки от жизни кусаться!

К этому моменту вокруг Гиви танцевали не только южане.

– Меня укусила Левински,
Меня укусила Левински,
Я ей говорю:
Вай, вай, вай-вай...

Поскольку Вовчик снизил накал и начал почти шептать,

драматически закатывая глаза, музыканты застыли, пытаясь догадаться, что от них требуется. «Певец» прикрыл ладонями причинное место и посмотрел вниз, изобразив гримасу боли. И медленно, слабеющим голосом, продолжил:

– Моника, вай...

Моника, вай...

Вай, вай, вай-вай,

Вай, вай, вай...

Наступила тишина. Вовчик кивнул барабанщику. И тот понял, что надо делать! Начав тихо, и ударяя с каждым разом всё громче и громче, он вывел Вовчика на победное продолжение, от которого толпа завизжала. Вовчик вскинул вверх руки. Музыка вновь загремела.

– Моника, хай!

Моника, хай!

Вай, вай, вай-вай,

Вай, вай, вай.

Моника, хай!

Моника, хай!

Моника, хай!

Вай, вай, вай.

Он снова сделал жест музыкантам. В тишине стал слышен нервный смех довольных, отдувающихся после танца людей. Все остановились, обмениваясь впечатлениями. И вдруг – о,

нет! – в центре танцевавшей до этого толпы он увидел долговязого человека, неуклюже выкидывающего в танце худые длинные ноги. Степаныч! Это был Степаныч! Сумка за его спиной подпрыгивала, мешая деду, но он не обращал на это внимания.

Вовчик махнул рукой, и загремело продолжение.

– Моника, хай!

Моника, хай!

Моника, хай!

Вай, вай, вай.

Моника, хай!

Моника, хай!

Моника, хай!

Вай, вай, вай.

И уже было не остановиться. Вовчик пел и пел. Из-под кепи по лицу текли ручьи. В глазах потемнело. Он сделал несколько шагов вперёд, уронив стойку с микрофоном, и рухнул со сцены вниз, сопровождаемый грохотом из динамиков...

Первыми он увидел склонившихся над ним Гиви, Степаныча и... полицейского.

– Голову мужчине напекло, – Гиви посмотрел на людей вокруг. – На самом солнцепёке пел. Настоящий артист!

– В-вовка, ты к-ка-ак? – язык Степаныча жил своей жизнью.

– О, ментура! – глаза Вовчика выхватили фигуру склонившегося полицейского.

– Политура! – зло ответил тот. – Вставай. В участке разберёмся. И Вы, – он ткнул в Степаныча, – за мной.

– А почему я – не на «Вы»? – возмутился Вовчик.

Гиви сунул ему кепку в руку, помог ухватиться за Степаныча:

– Держи, друг. Гиви для настоящего артиста ничего не жалко. Я себе запасной аэродром найду. Твоя Моника – просто цветочек! Вах!

– Вовчик, не теряйся!

Это Игорь успел крикнуть вдогонку.

Сопровождаемые полицейским, который подталкивал сзади Вовчика, задавая направление движения, они поплелись по аллее.

Глава 4. Первое вторжение

– ...Что будешь, спрашиваю? Икру свою хренову? Щас в кровать вам кину... Иди ешь, кобель поганый. Картошка стынет с огурцами.

Вовчик разлепил один глаз и увидел привычный узор на ковре, отделявшем кровать от стены. Значит, он дома. Кто-то дышал в спину. Неужели?.. События после парка тонули во мраке.

Он осторожно лёг на живот, отвернул голову от ковра, проведя носом по подушке. Два испуганных глаза уставились на него. Степаныч...

Фу-у... А он-то уж подумал. Он принял прежнюю позу, предпочтя деду ковёр.

– Мамка-то злая! – горячо прошептал сзади Степаныч.

Вовчик перелез через него. Натягивая тренировки, буркнул:

– Пошли. Мама есть зовёт.

Однако Степаныч остался лежать. На всякий случай. И, пожалуй, он не прогадал.

Из кухни долетали громкие голоса, без искажений и завалов по всему частотному диапазону.

– Я тебе сказала не приводить никого!

– Ты сказала, чтобы бабу не приводил.

Вовчик, которому было хреново, нехотя отбивался. Пре-

восходящие силы пошли в новую атаку.

– Сам еле держится, и этого привёл. Ночью стоят, шатаются. У! У! За косяки хватаются.

– Дай попить.

– Попить ему! Ты говорил, не пьёшь.

– Не пью.

– Сколько лет, как уехал, всё сказки!

– Мам, ну дай попить.

– Лучше бы бабу привёл!

– Тебе не нужна баба. Характерами не сойдётесь...

– Тебе нужна, на!

Раздался глухой звук. Металл нашёл контакт с обтянутой кожей поверхностью.

– По лбу-то зачем? – воскликнул Вовчик. – Сам налью!

Он прошёл в свою комнату, отхлёбывая из одной кружки, другую протянул Степанычу, который, залпом выпив напиток, произнёс: «божественно...». Вовкина мама сама делала квас, и получалось это у неё действительно «божественно». Так казалось наутро после возлияний.

– Иди есть! – на кухне загремели посудой. – Грей тут ему опять.

– Пошли, дядя Паш.

Степаныч замялся. Интеллигентность брала своё.

– Она сказала «иди», а не «идите».

– Пошли, пошли. Я её знаю. Наложит обоим.

– Эх, – Степаныч отвернул глаза в сторону, – сейчас бы

граммчиков сто...

– Да уж, – интонация не позволяла определить позицию Вовчика по вопросу. – У тебя не запой часом?

– У меня отпуск, – то ли обиделся, то ли согласился Степаныч.

Вовчик почесал затылок:

– Ну, как у меня, в общем. После вчерашнего разница между нами стёрлась.

Павел Степанович, как был, – в рубашке, брюках и ботинках, – сел на краю кровати.

– Что это было? Люди, полиция. Ресторан? Мы были в ресторане?

– Сударь, Ваше платье помято. Да и лицо тоже. Это тебе приснилось.

Дядя Паша прошёл к окну, задумчиво водя ладонью по щетине. Его не интересовал вид за окном, нет, – он сегодня не доверял обрывкам своих воспоминаний. Полиция, люди, сидячая забастовка на асфальте. Или это ему действительно приснилось? А ресторан? Тоже?

Размышляя, он отвернулся от окна, заметил Вовкин причудливый телефон на столе. Рука сама потянулась к чужой трубке: посмотреть, пощупать, ощутить его на ладони.

– Стой, укусит! – крикнул Вовчик, но было поздно.

Вскрикнув, дед отдернул руку, с недоумением разглядывая пальцы.

– Кусается, гадина!

– А нефиг зариться на чужое. Пошли!

Степаныч долго умывался в ванной, а перед кухней остановился, не решаясь войти. Так и топтался в дверном проёме.

– Дядя Паша, ты смотри, так можно и ложкой в лоб получить, – шепнул ему Вовчик.

– А этот, синий, что стоит? Пусть садится! – скомандовала мать.

– Мам, это Павел Степанович. Ты его знаешь, отец Димки. Звонок в дверь прервал его речь.

На лестничной клетке стояли нагруженные пакетами Дима и Влад.

– О-о-о! Барон!

Влад без раздумий, широко улыбаясь, шагнул через порог, поставив на пол сумки, облапал друга и долго, будто это не он вчера доставил товарища на родину, не отпускал из тесных объятий. Димыч из-за спины Влада сочувственно подмигнул:

– Держись, братишка!

Он, само собой, как всегда в жаркую погоду, сегодня предпочёл майку с коротким рукавом и джинсы.

Все знали крепость объятий Влада, особенно, если он под градусом. «Наверное, уже клюкнули», – подумал Вовчик.

– Сколько лет, сколько зим! – шумел Влад, играя роль. Он давно заметил, что Вовкина мать отходила при его «выходах на сцену» на второй план, затихая. Увидев, что Вовчик слабо

радуется встрече, что его мама стоит с ложкой за углом, и, догадываясь, как прошёл вчерашний вечер у Вовки с дядей Пашей, он решил поиграть.

С трудом вырвавшись из цепких объятий Влада, Вовчик приготовился поздороваться с Димкой, вошедшим следом. Он по привычке отвёл правую руку далеко в сторону, собираясь схлестнуться в крепком рукопожатии, однако в самый последний момент пронёс пятерню ниже. Ладони разошлись, так и не встретившись. Димка, забывший об этой уловке, в отместку также заключил друга в объятия, чтобы не выделялся.

– Ну, всё, всё, – откуда-то с Димкиной груди глухо доносились мольбы Вовчика.

Он вырвался, наконец, и, радостно ероша волосы, провозгласил:

– Все на кухню!

– Ещё два алкоголика, – недовольно сказала Александра Михайловна, когда ватага ворвалась в крохотное шестиметровое помещение.

– Привет, пап, – Димка быстро оценил обстановку, слова его прозвучали тихо.

– Здравствуйте, – задорно приветствовал всех Влад и, помогая себе руками, которые замелькали перед лицом хозяйки, начал ей «наглядно» втолковывать:

– Мы вот тут шли, шли. Дай, думаем, зайдём.

– А тут мы. Вдруг. Да? – развёл руки Вовчик, подыгрывая

Владу. – Зашли?

– А то!

– Ну, а кто же без гостинцев заходит? – спросила вдруг Вовкина мама, поджав губы. В глазах её появилась лукавинка, которая с генами перешла к сыну.

– А у нас с собой, – не растерялся Димка и достал из пакета бутылку. Степаныч довольно хлопнул сына по плечу.

– Ладно, ладно, – Дима стал доставать колбасу, тушёнку, хлеб... – Тебе ещё домой.

– А что это вы меня всё домом пугаете?

Обстановка разрядилась. Хозяйка присела со всеми и даже пропустила пару рюмочек.

Пришла пора вопросов и ответов.

– Вы куда вчера запропалились? – глядя на Вовку, спросил Димка. – Плёл по телефону какую-то ерунду про сольный концерт, про полицию, что задержала вас за исполнение песен.

Вовчик переглянулся со Степанычем:

– Кстати, насчёт полиции. Кепку жалко, потерял. Полицейский, грубиян, всё в спину толкал.

Влад подмигнул Димке.

– Так вы весело проводили время в отделении полиции? Верю!

Он засмеялся, приблизив к Вовчику лицо на расстояние, когда уже надо косить глазами, чтобы чужие нос и губы попали в фокус.

– Верю! – поддержал друга Димка. – Барон непринуждённо пел перед личным составом, а отец сопровождал сольное выступление танцем. Чувствуешь, Влад? Начинается!

Вовчик не выдержал:

– Видели бы вы, как он отплясывал вчера! Нам, молодым, фору даст.

– Верю! – упорствовал Димыч. – Одна загвоздка: ни разу в жизни не видел танцующего отца. Многое отдал бы, чтобы посмотреть! А тебе вообще медведь на ухо наступил. Гитара есть, а ни одной песни от тебя никто никогда не слышал.

– Я слышал! – Димкин отец нахмурил брови. – Вовчику рукоплескали сотни людей. И вообще, объяснит мне кто-нибудь, почему вы его зовёте бароном?

– Сотни людей, Влад, слышишь? – Дима хохотнул. – Не верю!

– Да что вы заладили: верю – не верю? Как Немирович с Данченко. Я врал хоть раз?

Этими словами Вовчик вызвал взрыв хохота друзей. Влад, вытирая слезу, потянулся к бутылке.

– Ну... – рюмки были подняты, все уставились на готового что-то сказать Влада. – Как-то тяпнули два раза, лишь бы выпить. Давайте за встречу. Когда-то барон ещё приедет?

– А чё он барон-то? – тихо спросил Степаныч, но, не получив ответа, последовал примеру присутствующих. Они пили и закусывали.

Ненадолго установилась тишина. Вовчик со Степанычем

суетились, выискивая по карманам папиросы, Димка улыбался, глядя на них. Вовкина мама сжимала у груди двумя руками ложку. На стол она выложила нож и вилку, да одну глубокую тарелку с надписью по каёмке «Общепит», считая, что этого достаточно.

– Так где вы вчера были-то? – Влад хотел всё же знать, почему встреча не состоялась.

– А-а... – Вовка отмахнулся, пуская в сторону форточки дым. – Вы всё равно не верите.

Степаныч тоже курил, с удовлетворением отмечая положительные сдвиги в своём состоянии.

– Так всё и не пьёшь? – спросил Влад, посерьёзнев.

– Да, десять лет уже. Да больше! Вечерок с вами раз в год не в счёт. Да... Со Степанычем вчера вот ещё...

– Работа такая, понятно. Вокруг спортсмены, пить нельзя.

– Да я и раньше, на предыдущей работе, не пил. И купить было негде, и контракт запрещал. Да и не хотелось. Зачем?

– Где это ты не мог купить спиртное? – Влад заинтересовался. – А что за контракт?

– Стоп! – перебил вдруг его Димка, вскочив. – Я скоро вернусь. Без меня не рассказывай, я тоже хочу послушать. Вставай, идём домой.

Последние слова были обращены к отцу. Тот сопротивлялся, ему только захорошело, но Димка настоял на своём. Влад вызвался прогуляться с ними.

Через полчаса, сдав Степаныча в надёжные руки, друзья

вернулись.

Они снова сидели на кухне, ожидая продолжения.

– Ну, и где это у нас в стране невозможно купить водку? – напомнил Влад тему.

Вовчик прищурился.

– Вот представьте. Остров. Вокруг вода, берегов не видно. Огро-омное озеро.

– И контракт? Что пить нельзя? Если негде купить, зачем контракт? Проверка на вшивость?

Вовка вздохнул.

– Контракт на выполнение определённых работ в области военных разработок. Точнее, близких к военным. Всё строго. Вино один раз пил, было такое. Волшебное вино. Но это с разрешения начальства и даже, можно сказать, в ходе исследований.

Влад с Димкой возмущённо загалдели, отпуская ехидные реплики в адрес друга. Тот, ожидая тишины, тем временем закурил.

– Ну? Всё сказали? – произнёс он невозмутимо. – Так вот...

Облако дыма понеслось на мужчину. Димке пришлось открыть окно.

– Такой пункт был включен в договор с неким неформальным отделом в составе Министерства обороны, занимающимся... впрочем, там было много других условий, в этом договоре. Но что можно, я расскажу. Всё же события проис-

ходили весьма занятные и неординарные.

Иногда, приезжая, как сейчас, в отпуск, он удивлял друзей, рассказывая о странных и невероятных вещах, приводивших их в замешательство. То ли этот чудак нуждался в сочинении подобных историй, то ли... как бы это выразиться... немного с головой у него что-то. Ещё хорошо, это «что-то» безобидно для окружающих. Как заметил однажды Дима, «крышка у него поехала». Может, выпьет немного, и начинает брехать. Однако Вовкины монологи ни разу не разочаровали, настолько они были интересны.

Сейчас друзья притихли, удобно устроившись на стульях и смиренно ожидая момента, когда из уст Вовчика польётся небыль, нафаршированная эпизодами, должными уверить всех в правдивости рассказанного.

– Меня доставили вертолётом на остров посреди озера. Остров как остров. Понятное дело, никто из посторонних туда попасть бы не смог. Впрочем, даже опытный глаз не нашёл бы и намёка на то, что остров охраняется. Секретный объект, сверхсекретный проект, лучшие специалисты. Несколько коттеджей, сосны, пляж с лежаками, пирсы, вынырывающие из прибрежных камышей. Санаторий, да и только.

Кстати, до сих пор не знаю, что это за озеро и где оно находится. Да и в России ли вообще.

Куратор проекта, полковник, повёл меня к мужчине в шортах, махнувшему нам рукой с террасы одного из котте-

джей. Сам куратор шёл передо мной по грунтовой дорожке, снимая на ходу майку. Хорош, подумал я тогда: видно, с любовью строит своё тело, не забывая ни про косые мышцы, ни про широкие плечи, ни про крепкие ноги.

Он быстро взбежал по каменным ступеням, заставляя меня поторопиться.

«Здравия желаю», – но вместо рукопожатия просто стиснул в объятиях встречающего.

Затем он обратился ко мне:

«Прошу любить и жаловать: Владимир Иванович. Психолог».

Фамилию я по понятным причинам забыл. А чего вы в усы улыбаетесь? Думаете, мне психиатр требовался?

Влад тихо ржал, тряся опущенной головой.

– Давай по существу! – выдавил Димка, с трудом справляясь с уголками губ, которые вели себя неконтролируемо. Хозяин умудрялся ненадолго придать им обычное положение, но они предательски дрожали при этом, а потом стремились к мочкам ушей, что заставляло Диму закрывать рот кулаком и покашливать.

– Владимир Иванович, – повторил Вовчик, задумавшись. Дым опять заполнил небольшое пространство кухни, и Димка открыл вторую створку окна, чуть не сбив при этом рассказчика с табурета. До кульминации было ещё далеко, помирить же от никотина не хотелось.

– В числе секретных технологий, собранных воедино, –

заговорил, наконец, Вовчик, – была и определённая предварительная работа с «наблюдателем», как официально именовался я в документах. Без психолога ничего бы не получилось.

Так вот, когда мы вошли в дом, я обомлел. Весь первый этаж представлял собою некое подобие студии. Десятки экранов, какие-то пульта, компьютеры. Сергей Иванович, ну, полковник который, объяснил, что здесь будут обрабатываться результаты всех «вторжений», как он выразился, и компетентная комиссия, с которой по определённым причинам меня пока нельзя знакомить, будет анализировать результаты моих действий, корректируя их по мере необходимости.

«Жилой блок, – он поднял голову, – на втором этаже. Всё, что необходимо для хорошего отдыха и быта, имеется. Ограничения расписаны в договоре по пунктам. Ну, – он улыбнулся, – сам увидишь. И даже если что-то не пойдёт, дело-то неизведанное, без предельной самоотдачи ко мне потом на отчёт лучше не появляйся».

Он обнял меня. «Я буду рядом, – сказал, – буду знать каждый твой шаг, мне расшифруют любую кривую с любого участка твоей электроэнцефалограммы... или кардиограммы. Ты даже не представляешь, что мне ещё расшифруют. Ты должен забыть обо всём. Успеха!»

Он оттолкнул меня легонько и вышел из здания. Вертолёт улетел. До конца экспериментов я довольствовался лишь об-

ществом Владимира Ивановича.

Учитывая, что новые знакомые обычно быстро признаются, насколько легко со мной общаться, я не ожидал сюрпризов.

Владимир Иванович спокойно отнёсся к тому, что я предложил называть его Володей. Сам он, не спрашивая, уже вечером первого дня стал называть меня Вовчиком. К чему – к чему, а к этому я был готов.

Он не дал мне времени на раскачку, сразу приступив к делу. Показал студию. В тот момент, ещё не представляя себе толком основную работу, я плохо понял его объяснения, когда он показывал мне графики и осциллограммы, фиксировал моё внимание на задержках эхо-сигнала, на форме сигнала, у которого есть фазы атаки и затухания. Всё это я знал. Но у меня произошёл какой-то разрыв между тем, что я ожидал, и тем, что, – кажется, – всё банально сводится либо к подводным анализаторам звуков, их характеристикам (вокруг острова вода, заметьте), либо к локаторам воздушных целей. В чём же тогда моя миссия? Всё, что он мне рассказывал, знают даже студенты.

Я нашёл в себе силы отбросить эти мысли. Ты здесь зачем, мужчина? Работай!

Перед тем, как отправить меня наверх, психолог протянул то ли зажигалку, то ли флэшку. На корпусе гаджета располагались кнопка и излучатель (как мне сначала показалось, – светодиод). На мой вопросительный взгляд коротко бросил:

«Поляризатор. Пригодится».

...Это только снаружи коттедж выглядел великолепно. Моя комната обескураживала. Кровать с железными спинками, как у меня дома. Стул, стол, шкафчик. Узкое окно. В другом конце комнаты, за занавеской, ведро для отправления надобностей. Первые секунды, конечно, шок. Зачем было городить такой красивый большой дом? И в нём вот это?!

Я в растерянности сел на скрипнувшую кровать. Ни на столе, ни на стене никакого средства связи. Хотя бы телефона, скажем.

Я более внимательно осмотрел комнату. Её интерьер совсем никак нельзя было увязать с тем впечатлением от острова, что я испытал сначала.

Под потолком деревянный, со щелями, брус – перекрытия. Писк моды? Что-то непохоже. Ведро за занавеской – писк моды? А стены. Неровно наложенная глина, под которой угадываются закреплённые крест-накрест деревянные, вручную выщепленные, рейки. Может, продольной пилой, или даже ножом. Я провёл пальцем по угадывающейся рейке. Неровная структура дерева, – словно лучину кололи. Явно не на станке пиленая.

Пока рассматривал стену, добрался до двери. Добротная, не филёнка. Из толстенных досок, тоже вручную щепали ствол, топором ровняли. Сбита поперёк двумя досками, под которые вырезаны небольшие углубления. Ручка дивная. Великолепной работы кованая ручка.

Я толкнул дверь. Не открывается. Сильнее. Закрыта? Неужели меня закрыли? Двинул плечом. Чёрт, больно.

Нащупав в кармане поляризатор, навёл его на дверь и нажал кнопку. Ничего не изменилось, дверь не поддавалась.

Несколько минут я сидел на кровати. Хорошо, дома такая же, металлическая. Привык.

Глупо как-то. Я закрыт. На потолке, – а я смотрел как раз вверх, – паутина. За задёрнутой шторкой... понятно, что. Ах, да. Надо заглянуть в шкафчик.

По поскрипывающим половицам медленно, словно собирался что-то украсть, подошёл к шкафу. Узкий, но высокий. Если попробовать отгадать, – что там? Я закрыл глаза. Ну, допустим, постельный набор... что ещё? Пара белья? Возможно. Но остаётся ещё достаточно места. Для чего? Женщина бы сообразила, для чего.

А-а-а, да что там гадать?!

Я распахнул шкаф. Наверху, очень высоко, и впрямь, две полки. Постельное бельё, занавески. Но взгляд сразу скользнул ниже. Что за чёрт! Никаких полок, а в глубине, в полутьме, угадывается дверь. Не думая, я надавил на ручку...

Вспомнились граф Монте-Кристо и Анжелика, что-то ещё, из молодости. Стало холодно, как в погребке. Вниз вела каменная винтовая лестница, освещённая зыбким светом еле подрагивающих пламенем свечей, что спиралью заворачивали куда-то вниз, зазывая меня в неизвестность. «Испытания начались?» – мелькнула мысль, задавая мне направле-

ние по ступеням вниз. Я на службе. Знал, что будет нелегко. Хотя, конечно, неожиданно. Но какие здесь могут быть угрозы?

Внизу на моём пути возникла ещё одна дверь, такая же основательная и настоящая, как и та, которую мне не удалось открыть. С некоторым волнением я толкнул её и едва не ослеп. Заходящее солнце брызнуло своими искрами в незащищённую после полутьмы сетчатку.

Игривая тропинка вела через лужайку с редкими маками к виднеющемуся невдалеке лесу. Чем дальше я шёл, тем больше красных цветов кивали мне своими головками. Они были прекрасны, эти огромные красные головки! Встречавшиеся на лужайке белые и голубые цветы вытеснялись красным волнующимся морем. Где-то посередине пути меня окружали только маки. Это от них исходил сладковатый усыпляющий аромат. Я немного заволновался, подумывая, не вернуться ли мне с этого поля на лужайку, оглянулся, высматривая здание, из которого несколько минут назад вышел. Здания не было! Тропинка – вот она, а лужайка была пуста. Надо успокоиться. Спокойно, Вовчик, сейчас твою кардиограмму изучают... У тебя контракт! Я взял себя в руки. Несмотря на лёгкое головокружение, продолжил идти в сторону леса. Маковое поле кончалось, появилась зелёная трава, до деревьев – рукой подать. И вот здесь я увидел Льва, лежащего среди дивных цветов – «...он спал, широко раскинув лапы...» Вот так штука! Я остановился в растерян-

ности. У меня с собой нет даже газового баллончика, хотя вряд ли он поможет, если Лев меня услышит.

Неожиданно «...на лужайку выскочил жёлтый дикий кот. Оскалив острые зубы и прижав уши к голове, он гнался за добычей».

«Добычей» должна была стать серая полевая мышь. И стала бы ею через секунду-другую, если бы не странное железное существо, отрубившее на моих глазах голову дикому ко-ту.

– Железный Дровосек? – прервал Димка. – Элли и Тотошка?

Вовчик вздохнул. А Димыч продолжил:

– Не мог придумать что-нибудь такое, что мы в детстве не читали?

– Завтра он про Урфина Джюса рассказывать будет, – разочарованно вздохнул Влад.

– Ну, как хотите, – Вовчик потянулся за пачкой сигарет.

– Давай дальше, – Дима вернул «подмиг» Владу.

Мимо Вовчика не прошло перемигивание друзей.

– Мигуны чёртовы, – пробормотал он, направив струю дыма сначала на одного, затем на другого.

Наступила пауза, поэтому пришлось разлить по стопкам.

Вовка выпил, закашлялся.

– Вы бы хоть дослушали. Самое обидное, когда не верят. А врѣшь – лапшу на ухах не заметят.

– Мы внимаем, – с готовностью отозвался Влад, подозре-

тельно улыбаясь.

Но Вовчик захлопал своими глазами без ресниц, опустив голову, стал их тереть, делая вид, что чешутся.

– У меня и орден боевой за эту операцию есть, – блёкло сказал он.

– Покажешь? – хором спросили друзья.

– Всё в Москве, в квартире. Что я, возить буду, что ли?

Он отвернулся к окну.

– Так это... – Влад был не из тех, кого можно разжалобить всякой ерундой. – А чё дальше-то?

Вовчик повернулся, блестя глазами.

– Короче, один очкарик изобрёл приборчик, выложил краткое описание в сеть, надеясь подзаработать. Ну, а военные быстренько прикрыли эту лавочку, вовремя прикрыли. Правда, краткое описание не пук, вылетит – не поймаешь. Так по сети и гуляет, множится благодаря блогерам. Но у наших – очкарик на коротком поводке со своими наработками, а за рубежом только краткие сведения об изобретении.

– Фигня, – сказал Димка, – Врёшь! Причём тут сказка? Не верю!

Вовка снова отвернулся к окну.

– Ну, ладно, Вовк, рассказывай, – Влад требовал продолжения. Он улыбался, умилительно глядя на Вовчика.

– Хорошо! – Вовка повернулся к собеседникам. – Сейчас уже этим вопросом занимаются не только у нас. Франция, Япония, США, Австралия... Иначе я не стал бы рас-

сказывать. Какие там горизонты открываются, об этом могут знать только военные. Скажу лишь, что даже я, хоть и принимал участие в проекте, не знаю, что милитаристы извлекают из результатов тех опытов. Я участвовал в мирной части проекта. Тот же Владимир Иванович возглавлял группу, нашедшую возможность материализовывать ситуации, причём не только реальные, но и сказочные.

– Да ладно! – Влад раскраснелся, он вытянулся и от удивления высунул язык.

– У нас к тому времени был гандикап в пять-семь лет перед учёными других стран. Редкий случай, когда мы впереди планеты всей. Изобретение очкарика оказалось предвестником целого направления в работе учёных. Методика постепенно совершенствовалась и трансформировалась, обрастая сделанными попутно открытиями. Более того, вся эта история – цепочка случайно сделанных открытий, позволивших освоить не только время, но и пространство. Наши конкуренты топтались на месте, пока мы плодотворно работали. Я появился в проекте, когда для исследований понадобился «наблюдатель». К этому моменту на основе того самого приборчика удалось создать некий генератор. Создаваемое им поле совершило прорыв в исследованиях. Я был первым, кто попал в сказку.

– Кажется, я начинаю смутно понимать, – откликнулся Димка. – Но ты сказал, что ситуации, в которые можно проникнуть, могут быть и сказочными, и реальными. Я вот сижу

тут сейчас, в реальной ситуации, без твоего генератора! А?

Вовчик оживился.

– Чем отличается книга «Лолита» от книги «Волшебник Изумрудного города»?

– Ну, ты привёл сравнение!

Влад растерянно смотрел то на одного, то на другого.

– Согласен, не подумал. Вместо «Лолиты» возьмём «Войну и мир». Ну?

Ответа не последовало, Димка чесал нос.

– А-а. Не знаешь, – Вовчик не сразу ответил на свой же вопрос. – И то, и другое – плод воображения. Ну, как тебе ещё объяснить? Первый писатель придумал сюжет, похожий на правду, а другой сочинил явную сказку, переписав на свой лад оригинал, созданный американским автором. Обе книги при-ду-ма-ны! Такого на самом деле не было, ясно? Толстой же не мемуары чьи-то писал, а по мотивам, так сказать. Олитературивал, создавал грандиозное художественное полотно.

– Всё! – Влад хлопнул себя по коленям. – Дошло! Не было! Одну книгу читаешь и веришь, в другой сразу видишь подвох, но читать-то интересно... Блин! Значит, попасть можно как в описанную действительность, так и в описанный сюжет сказки. Ничего себе... блин...

– Вот такой блин, братцы, – медленно качая головой, задумчиво произнёс Вовчик.

Димка заелозил на стуле:

– Ладно, ты давай дальше. Что дальше-то?

Вовка не торопился.

– Дальше? Дальше, если вы помните, надо было найти способ вытащить Льва с поля. Иначе он не проснулся бы.

– Ну, понятно, мышь оказалась Королевой полевых мышей Раминой, и тысячи серых полёвок вытащили при помощи ниток Льва с макового поля, – Димке не терпелось. – А ты с ними разговаривал?

– А как ты думаешь?

Димыч пожал плечами.

Вовчик улыбнулся.

– Я не двигался и не разговаривал. Как объяснил позже Владимир Иванович, я мог вести себя как угодно, герои сказки всё равно не узнали бы, что рядом находится чужак, который наблюдает за ними.

– Позвольте! – Влад кипятился. – Как можно изменить книгу? Она уже написана!

– Понимаешь, я читал именно такого «Волшебника Изумрудного города». Несколько раз. И в тот момент для меня важнее всего было не сделать непоправимых ошибок. Тогда я ещё ничего не понимал. Поэтому тихо себе стоял в стороне.

– С чего ты взял, что там что-то должно поменяться? – не унимался Влад. – Писал автор, почти твой однофамилец, кстати...

– Я не за это люблю его книги.

– ...и с чего ты взял, что в книге что-то должно поменяться, даже если ты там нарисовался?

– Вот пристал! Я уверен, что поступил правильно. На всякий случай не вмешивался, а инструкций на тот момент у меня не было.

– Ладно, – буркнул Влад. – Дальше.

– Дальше Льва вытащили, Рамина подарила Элли волшебный серебряный свисток, – начал было перечислять Вовчик, – да вы всё это знаете!

Итак, я отправился обратно. Голова, и правда, кружилась. Тем не менее, тропинка привела меня на лужайку, с которой я вышел на маковое поле. Как найти дверь, чтобы попасть на лестницу, я не понимал. Прошёлся по тропе, вернулся к началу макового поля. Вот эти белые и голубые цветы, впереди маки. Неужели у меня начались глюки? Я присел, озадаченный происходящим. Посетила мысль: возможно, тропинка раздваивалась, и я пошёл не по той. Да нет, я бы запомнил. Рука автоматически полезла в карман за папиросами. Нащупала зажигалку. Но на ладони у меня лежал поляризатор, на который я уставился, вспоминая, где мог оставить пачку. И тут меня осенило! Надо нажать на кнопку! В направлении, заданном тропинкой, ничего не изменилось. Я расстроился, потому что казалось, что из двери сразу попал на тропу. Стоп! Стоп... Меня ослепило солнце! Был невольный поворот вправо, после чего я вышел на тропинку.

Нервное движение рукой с поляризатором... влево... вправо от тропы... Есть!

Буквально в трёх метрах от меня появился фрагмент серой стены, попавший в пятно излучения поляризатора. Кусок здания висел прямо в воздухе, разглядеть его целиком не представлялось возможным. Я вскочил, стал пятиться назад. Вскоре пятно поляризатора выявило почти всё здание. Поводив гаджетом вверх-вниз, удалось создать целостное впечатление об объекте. Передо мной возвышалась серая круглая башня без окон с единственной деревянной дверью внизу. Тропа, действительно, проходила мимо, а не вела ко входу.

Дверь легко открылась. Пламя свечей колыхнулось, когда я быстро взбежал по лестнице. Поляризатор не понадобился ни в шкафу, ни у той двери, которую совсем недавно я пытался выбить плечом.

Радостный, я влетел в зал-лабораторию на первом этаже. Посреди помещения, засунув руки в карманы, с едва заметной, как у Джоконды, улыбкой стоял Владимир Иванович. Я остановился напротив него, не зная, что сказать.

– Туалеты там, – указал он большим пальцем правой руки через своё плечо и добавил к улыбке несколько делений.

Вскоре мы сидели на террасе за столиком напротив друг друга. Я любовался мелкой рябью у берега, ожидая, пока Володя приступит к ужину. А он сидел, подперев подбородок сложенными в замок кистями рук, опираясь локтями на стол,

и откровенно рассматривал меня. Достаточно мне было открыть рот, а я собирался задать вопрос новому знакомому, как он вдруг, опередив меня, спросил:

– Вовчик, как ты думаешь, какое сегодня число?

Если честно, он сразу поставил меня в тупик. Я хорошо помнил, что именно с двадцатого июля должен был приступить по контракту к работе. Да, чёрт побери, сегодня утром, двадцатого июля, я прилетел с Сергеем Ивановичем на этот остров.

Возможно, он подметил острым глазом следы кратковременной растерянности, думаю, он считал некую информацию с моего лица за доли секунды. Но уже в следующее мгновение я бодро отвечал:

– Двадцатое июля, Володя. Разве это тест? Так, разминка.

Подвинув к себе тарелку с овсянкой, поверх которой заманчиво таял кусок сливочного масла, он запустил ложку в кашу. Смотря на его пока ещё небольшие залысины, я также приступил к приёму пищи.

Мы время от времени поглядывали друг на друга. Он молчал, мне это не мешало. По-прежнему сохранялось благоприятное впечатление об этом человеке, сложившееся с самого начала.

– Двадцать первое, – неожиданно заявил он, когда я, наслаждаясь компотом, «завис» в задумчивости взглядом на том месте, где озеро сходилось с небом. Так хотелось различить эту черту, но это всё не удавалось, а мысли останови-

лись. У меня были вопросы к этому человеку, но не сейчас, пожалуй... Позже. Надо уловить эту черту.

– Двадцать первое, – повторил он и опять сумел меня удивить, добавив, – августа.

Я подавился жидким компотом. От неожиданности забухало сердце. Осипшим голосом спросил:

– Какого года?

– А... Не пугайтесь, прошу Вас.

Он перешёл на «вы», очевидно, чтобы успокоить.

– Год тот же, – добавил он, – но прошёл месяц... как ты прибыл сюда.

Сердце всё ещё разрывалось.

– Пульс учащённый, – произнёс он, внимательно глядясь в моё лицо. Я вспомнил слова Сергея Ивановича о контроле моих параметров круглые сутки.

– Кажется, ты успокаиваешься, – сказал он. Мне, я начал понимать, импонировала его манера вести разговор. Просто до этого он либо молчал, либо мы находились в разных точках пространства. А он тем временем выдавал мне информацию.

– Я понимаю, неожиданно... ты, вижу, потрясён. Мы в лаборатории ждали тебя целый месяц. Это... это, – он начал подбирать слова, – как... замедленная съёмка, понимаешь? Сегодня двадцать первое августа, утро. Ты ушёл «туда» двадцатого июля, ближе к вечеру.

Только тут я обратил внимание на положение солнца. Пе-

ред моим первым вторжением оно стояло над лесом, сейчас же брало разбег с противоположной стороны, над озером.

Я «там» был час, ну, два... Здесь прошёл месяц.

– Работа нашей группы свелась к рутине, мы просто записывали видео происходящих с тобой событий, потому что смотреть на то, как ты проходишь по полю дистанцию в метр, было просто физически невозможно. Ты проходил метр за час. Работали по двое, сменяясь через каждые восемь часов. Видеозапись, записанную каждой группой, ускоряли в десятки раз, чтобы просмотреть в нормальном темпе. Но, кроме перечисленных неудобств, к счастью, есть плюсы. Мы можем оперативно влиять на процесс. И ещё – много времени на анализ. Ты «там» провёл не более двух часов. У меня прошёл месяц. Я постарел? Заметно?

Он грустно улыбнулся. Человек, который мог отдавать мне приказы, только что сыграл маленькую роль в небольшой сцене.

– Контракт до двадцатого сентября, – он откинулся на спинку стула, положил ладони на колени. – За это время, как теперь становится понятно, нам не выполнить всю программу. У меня есть указание сверху предложить тебе подписать новый контракт на других условиях. И теперь вместо трёх месяцев на год. Надеюсь на твоё согласие и... – он завертел головой, пытаясь подобрать какие-то слова.

– Понимание? – спросил я.

– Понимание, – подтвердил он. – Это был пробный шар, или вторжение, как любит говорить Сергей Иванович. Получена масса ценной информации, теперь надо набирать статистику и дотошно исследовать этот мир, не пропуская ни одной детали. Если ты согласен... есть время подумать. Вот новый контракт, – он протянул мне листы, лежавшие до сих пор на краю стола. – Сергей Иванович просил тебя как служащего с большим опытом диверсионной работы и грамотного специалиста не отказывать и не затягивать решение вопроса. Да и мне... Вовчик... приятно с тобой работать.

Он встал, отойдя к перилам на краю террасы.

Вот ведь! Утро двадцать первого! Вечером овсяную кашу не подали бы. Так всё неожиданно... если только не... врут. Лёгкая паника охватила меня.

Я углубился в чтение.

Те же пункты, кое-где изменены даты, сроки, цифры. Цифры – это сумма контракта, естественно. Увеличена не пропорционально, а в два раза больше, чем можно было бы подумать. Не хотят, чтобы отказывался.

Минут тридцать я листал договор просто так, обдумывая ситуацию.

Володя подошёл, сел на своё место. Ничего не спрашивая, стал смотреть на меня.

Я ему до сих пор благодарен, он помог мне избавиться от ощущения подвоха. Последовавшие события только подтвердили это моё впечатление. Конечно, договор я подписал.

Мною двигало не чувство наживы. Нет, правда. Деньги впоследствии я получил более чем приличные. Но где найдёшь столь увлекательную, полную адреналина, работу? Я жаждал эту работу, и глупо было отказываться от неё.

Срочно захотелось прояснить пункт, касающийся свободного времени. О чём я немедленно и спросил у Володи.

– Да, приказ о вторжении может поступить в любое время, – подтвердил он, – но я буду знать об этом заранее. Так что не волнуйся. Если хочешь по острову побродить или с удочкой постоять – не вопрос. С одним условием. Я всегда должен быть в курсе.

...Я тут же предложил ему осмотреть вместе остров. Понятное дело, подумал, откажется. Всё тут ему давно, до камушка, известно. Но Володя согласился. Попросил меня посидеть несколько минут, а сам ушёл в дом. Вернулся с двумя корзинами, отдал одну мне, натянул себе на голову панаму и мне предложил такую же. Бог знает, что тут в лесу. Я тоже прикрыл голову. Хотя бы от солнца.

Остров оказался совсем небольшим. Это я понял, когда мы поднялись на верхнюю точку, пройдя по тропе через лес, покрывший склоны. С пятидесятиметровой сопки в центре, осматриваясь по сторонам, я видел лишь воду. Большое озеро и маленький остров.

Вытянутый по форме, он протянулся с севера на юг метров на шестьсот, может, семьсот. Не больше трёхсот метров в ширину. По сопке всё сосны. В низинах осины, дубы, ели.

Деревья крупные, но стоят довольно редко. На вершине Володя показал дно своей корзины. Там уже было много грибов.

– Что-то у тебя не густо, – заметил он, заглянув в мою.

Я махнул рукой:

– Беру подосиновики, подберёзовики. Белые – и то боюсь. Мне показывали как-то ложные белые. С мужиком присели на опушке прикурить. Он, пока рассматривал мои грибы, половину выкинул. Сказал, отравлюсь.

– Розоватые такие?

– Вроде, да. Не помню.

Володя хмыкнул и повёл меня вниз, в осинник.

Вечером на столе нас ждало жаркое из грибов, в основном, подосиновиков, собранных нами среди осин.

Днём позагорал, искупался...

– Вот врать... – не выдержал Влад. – Искупался он! В воду зайти боится!

– Ну, как искупался... – Вовчик улыбнулся, наклонив в сторону голову. – Ходил по колено в воде. Вода холодная. Озеро. Только у берега чуть теплее.

– Это, как его... – обратил на себя внимание Димка, – а макового поля не видел?

– Кстати, – оживился Вовчик, – меня тоже терзали эти мысли, но с сопки всё видно как на ладони. Никакого поля. Не, мужики, если не верите, я могу и закончить. Давайте

о бабах.

– Мм, – промычал Влад. – Если сегодня успеешь рассказать, что было дальше... А то водка кончилась.

– Слышь, Вовк, мы с Владом сгоняем... подождёшь?

– Валяйте.

...Когда Влад с Димкой вернулись, мама Вовчика огрызнулась, указывая на дальнюю комнату:

– Вон ваш друг...

Друзья приоткрыли дверь в Вовкину комнату. На кровати у самого коврика, свернувшись калачиком, в брюках и рубашке спал отпускник.

Глава 5. Сбой

– Не спится им... Припёрлись... Двенадцать часов, а они тут как тут.

Не переставая ворчать, сонный Вовка бродил по комнатам, надевал носки, закрывался в туалете. Сложный маршрут завершился на кухонном табурете, где, едва разлепив глаза, он устроился курить.

– Все нормальные люди ещё спят в этот ранний предрассветный час. Пива нет?

Он вдруг повернул голову в сторону гостей, упёршись в них одним открытым глазом.

– Ты, милоч, сходи в спальню-то, – ласково «пропел» Влад, напирая на «о», – да загляни под подушечку, голубок. Там гостинец и найдёшь, с вечера тебе оставленный.

Вовка метнулся к себе, быстро вернулся, поставил бутылку на стол.

– Чё встали на проходе, ни пройти, ни проехать? Вон ступля, в большой комнате.

Влад послушно сходил в комнату, они с Димкой присели.

– Наливай! – поступил приказ. – Ма, свари пельмени.

– Продолжаем про остров? – Димку интересовал ещё один вопрос. – Сегодня закончишь? Воскресенье, завтра на работу.

– Сегодня закончу.

Вовка потянулся к вчерашней колбасе.

Димка деликатно снова подсказал:

– Про остров. Давай дальше.

– Дальше... – тот задумался, перевёл мутный взгляд на друга, – а что вчера было? Чем кончилось?

– Вы ужинали грибами, которые ты набрал в осиннике. Кстати, а персонал там какой-нибудь был?

– Был, – Вовчик подтвердил свои слова кивком головы. – Нам же кто-то делал еду? Но я их не видел. Наверное, существовали на этот счёт какие-то инструкции. Мне, кстати, по контракту не полагалось заходить в другие особняки. Так что в двух других домах я не был ни разу за весь год. Даже больше. Через год предложили договор ещё на год, не успели выполнить все работы. Налей-ка ещё.

Последняя реплика была предсказуемой. Глаза его немного прояснились, речь стала не столь резкой.

– Короче, за ужином я спросил Володю, почему он мне сразу не объяснил про поляризатор.

– Так требовалось по программе, – прозвучало в ответ. И затем: – Даже если бы ты растерялся, мы засветили бы башню поляризованными лучами сами. Но ты молодец, со-ображаловка работает.

– А папиросы? – задал я вполне логичный вопрос. – Они должны были находиться в кармане брюк.

– Пусть это останется небольшой тайной. «Туда» нельзя

с лишними предметами. Кстати, ты невольно нарушил контракт. В следующий раз сам оставляй папиросы, и вообще, всё, что не связано с заданием, оставляй на столе в своей комнате. Сразу, как только заходишь к себе. Чтобы не было потом недоразумений. На первый раз, как говорится, прощаю.

В тот вечер мы долго сидели на террасе. Несмотря на то, что он увиливал от многих вопросов, перескакивая на другие темы, я ближе узнал этого человека, проникся к нему доверием. Да-а, чуть не забыл! Он же сейчас работает в штате клуба как раз на должности психолога! Мы с ним до сих пор дружим. В то время в составе персонала была и его жена. Сказал, что мог бы работать на острове до пенсии, но... увы. Женщину такая работа приводит в бешенство. Пришлось им после того, как я убыл, тоже перебраться на «большую землю». Впрочем, он не жалеет. Здесь у него отличная карьера.

Итак, вернусь к своим мыслям и ощущениям. После разговора с Володей меня не покидало чувство, что мы знакомы с ним десятки лет. Вот с тобой, Дим, с тобой, Влад, мы с первого класса. Мы ощущаем себя комфортно в нашей компании, даже когда не видимся годами. То же самое я чувствовал в тот вечер в отношении Володи. Он, сославшись на дела, напомнил, что работа может продолжиться в любую минуту, и попросил меня не расслабляться.

– Сегодня у меня есть личное время? – спросил я.

– Отбой в двадцать два часа, – улыбнулся он по-джокон-

довски и откланялся.

Значит, у меня было целых два часа. Очень хотелось подняться на сопку, посмотреть на заходящее солнце, побывать на том берегу, ведь вода с той стороны должна прогреться. Это здесь сейчас тень, а там солнце.

Вы же знаете, плавать я не умею. Но знаете ли вы, о, друзья!..

– Какой пафос! – захихикал Влад.

Вовчик, не обращая внимания, продолжал:

– ...знаете ли вы, о, друзья, как хочется иногда побродить по тёплой воде, на закате, закатав штаны. Покуривая и думая... о чём? Да что в голову придёт!

Возвращаясь, я постоял на вершине сопки, пытаюсь разглядеть вдали признаки земли. Тщетно! Я обошёл плато по периметру, всматриваясь вдаль, но так ничего и не увидел, кроме шевелившего тысячами языков озера, облизывавшего остров со всех сторон. Озера ли? Мне не хватало пальм, чтобы убедить себя, что это море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.